

Колдовские Миры

ТИМИРЕДИС ЛЕТЯЩАЯ ПРОТИВ ВЕТРА

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

Annotation

«Везет, как дракону», — говорят в Империи. Вот только у богини удачи Лариши непростое чувство юмора. И у тех, кто ей симпатичен, жизнь не будет ни легкой, ни тихой. Но зато интересной — наверняка!

На северных задворках Драконьей Империи, на краю холодного моря, прячется в отрогах гор маленькая деревенька, где живет сирота Мири. Сиротская доля — пинки, тычки да работа с утра до ночи. Но прошлое хранит много тайн, а будущее туманно. Кто бы мог подумать, что в маленькой девочке дремлет магический дар? И кто знает, чем еще она обладает по праву рождения, кроме странного кольца, не налезавшего на руку ни одной деревенской бабе? И могла ли сама Мири предположить, что, кинувшись без раздумий спасти юную леди, тонущую в замерзающей реке, она заслужит улыбку Лариши?

Судьбы двух подростков сплетаются самым удивительным образом, веселя своенравную богиню...

Надежда Кузьмина

Тимиредис: Летящая против ветра

Посвящаю эту книгу тем, без кого она не была бы написана, — тем, кто вдохновлял меня, поддерживал, помогал и стимулировал вопросами «А что дальше?» — моим читателям с Самиздата.

А ещё — моей многострадальной семье, героически терпящей мои регулярные выпадения в астрал с полным отрывом от реальности.

И отдельная благодарность тем, кто помогал вычитывать и редактировать, писал стихи и давал советы: моей замечательной тете Маргарите Суменковой и моим друзьям — Юлии Киселевой, Оксане Савчин, Ольге Фроловой, Софье Ролдугиной.

*Лететь одной против ветра нелегко...
но вместе — совсем другое дело!*

*На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным.*

*А я в своем теле, как в западне,
Неслышимой музыке внемлю,
И сердце тоскует-тоскует
По легким путям неземным^{ПД}.*

Глава 1

Все-таки земляника — самая чудесная ягода! Алые сладкие капли прячутся под влажными от непросохшей утренней росы листьями — пока не встанешь на четвереньки, да не раздвинешь траву ладонями — и не найдешь! И много переспевших — солнышко стояло первый день, а в дождь землянику не пособираешь — вмиг промокнешь, да и ягоды в пальцах расползаются. Вот пока неделю моросило, ягоды зрели. И теперь под листьями пряталось много почти бордовых, мягких, которые честно можно было тянуть в рот, а не класть в туесок, привязанный к поясу.

А еще поход за земляникой — занятие на весь день. Убегаешь из дома рано утром, по росе, прихватив с собой краюху от вчерашнего каравая. А возвращаешься уже с закатом.

Ходила я с пятилетнего возраста одна. Не боялась ни леса, ни диких зверей, ни гадюк, что в изобилии ползали тут по болотам. Я не трогала их, а они меня. А вот смотреть мне нравилось. Как-то я весь день просидела, наблюдая, как семейство бобров строит на лесной речке запруду. И напрочь забыла про грибы, за которыми меня послали. За это меня оттаскали за косу и нещадно отходили по голым ногам вымоченными в воде для метлы березовыми прутьями — но память о светлом дне сохранилась до сих пор. Впрочем, как и белые поперечные шрамики на битых загорелых коленках.

Хотя в доме у Сибира с Фариной били меня всегда — я привыкла. Подзатыльники, шлепки, шипки. А если не увернешься — порой и пинки. И работа, работа, работа. Я не помню времени, когда играла на улице, как другие дети. Казалось, я всю жизнь выбираю из овечьей шерсти мусор, пряду, колю лучину, таскаю воду в дом моих благодетелей и в хлев скотине, дою коров. На мне было и мытье полов, и подметание двора, и чистка хлева, и запаривание отрубей, и кормежка десятка поросей, которых мой хозяин, дядька Сибир, муж Фарины, держал во дворе. Так что такой день, как сегодня — с нетронутой зеленой тишиной — был настоящим подарком. Моё счастье, что старшая дочь хозяев — Палаша, девица уж на выданье — землянику обожала. А вот собирать абсолютно не умела, да и панически боялась змей.

Вздыхнула: тут весь косогор обобрала — надо на новое место переходить. Если расскажу, как здесь много ягод, может, и завтра в лес отпустят. Дармовое-то варенье на зиму всяко хорошо!

Повернулась так, чтобы солнце оказалось впереди, и пошла, особо не разбирая дороги, — так к опушке точно выберусь. Наша деревня Зеленая Благодень из целых двадцати дворов стояла на границе равнин и лесов у подножия Восточных гор. Так что иди на запад — и выберешься к людям. А повернешь на север — окажешься на морском берегу. Точнее, на утесах, круто обрывающихся к серой, вечно беспокойной глади. Кое-кто у нас пытался ловить рыбу и ставить сети, да только дело это было неверным: на лиги^[2] и лиги в обе стороны тянулись острые шершавые скалы с пляшущими бурунами — и сеть порвет, и лодку пропорет. Рассказывали, что далеко на западе есть порт, где и корабли плавают, и рыбаки в море ходят, но деревенские говорили, что это брехня.

Я в корабли верила. Хотя бы потому, что по осени, когда резко менялись течения, к берегу иногда прибывало обломки и выкидывало разные замечательные вещи. С конца лета и до зимы у берега всегда дежурил кто-то из деревенских пацанов — смотрел, не выбросит ли чего море? А вообще, порядок дележа таких находок был строго определен. Первой право

выбора имела семья того, кто заприметил трофей. Сколько сами на руках до вершины утеса дотащат — столько и их. Вторым подходил староста Хрунич с четырьмя сыновьями. После них — если что осталось — была очередь моего хозяина, Сибира. Ну и дальше — остальных деревенских, по важности и зажиточности. Особенно ценились металлические крепления и сундуки. А у старосты в парадной горнице висел на стене очень красивый полированный деревянный круг с кучей торчащих ручек. Хрунич звал его «шторвал», а я всё гадала, зачем такая красота нужна. Вот бы подержаться!

Изредка выкидывало утопленников. Часто после того, как прибором протащил тело по скалам, только по длине волос и можно было понять — мужик то или баба. И, что особенно расстраивало деревенских, одежда всегда приходила в негодность. Правда, пояса или сапоги иногда еще годились. Если не сушить на жаре да сразу пропитать маслом, то можно было и хорошую вещь получить. Тела на деревенском кладбище не хоронили — прикапывали неподалеку от берега в лощине, которая так и звалась — Похоронной. Ставили осиновые вешки, чтоб знать, где место уже занято, тем дело и кончалось. Ребяшня пугала один другого, что по ночам по лощине бродят привидения. А кто их покой потревожит — душу высосут и в море уволочут!

Я как-то пошла туда ночью — рыжий Зимка и старостин Елька посулили мне, что, если не побоюсь и принесу горсть земли со свежей могилы, они со мной дружить будут. Друзей у меня никогда не было, а очень хотелось. Я и пошла. Вылезла ночью в окошко и, поджимая босые ноги, побрела к лесу. Думаю, меня саму в белой рубахе ниже колен можно было за привидение принять... В лощине никаких призраков я не увидела. Туман был такой, что я споткнулась, упала, перемазала всю рубаху. Могилу нашла на ощупь. Наскребла земли пальцами, сколько смогла. А когда встала, поняла, что не знаю, куда идти. Звезд не видно, вокруг туман, как молоко. Протянешь руку — наткнешься на ствол дерева. Или не наткнешься. И холод дикий. Рубаха в тумане вся промокла, к телу липнет. Испугалась тогда я жутко: думала, тут и замерзну. Где-то рядом с могилой мамы. А потом как помог кто. Вспомнилось, что вешки в изголовье ставят, а сами тела всегда головой на восток кладут. Значит, мне надо ближайший холмик ощупать и повернуться к ногам, на запад. Главное — из лощины выбраться, а там уж туман не такой густой — деревья видно и до опушки недалеко.

До дому добралась к рассвету. Рубаху сразу в корзину с грязным заныкала, чтоб не попало, — всё равно мне ее и стирать. А Елька с Зимкой обманули — когда принесла им горсть земли, разоржались мне в лицо и сказали, что я ее за хлебом нарыла. И что с такими, как я, не дружат. Такие — для другого... Мне тогда было восемь.

Я уже почти вышла на знакомую поляну близ опушки, когда, переходя пригорок, столкнулась нос к носу с собиравшей травы женщиной. Сначала испугалась — странная, на деревенских не похожа. Потом вспомнила, что видела ее раньше, хоть и по-другому одетую — не в штанах с сапогами и с завязанными платком волосами, а как все — в юбке и с косами. Ее уважали и побаивались. И имя у нее было чудное, на обычные Панька или Шимка не похожее — Тирнари. Рассказывали, что приехала она из большого города. Почему ей приглянулась такая глушь — никто не знал, предполагали разное. Кто говорил, что её муж за чернокнижие выгнал, кто — что она от кого-то прячется. Шинкарь предположил, что она книгу пишет — мол, он самолично знахарку с пером над листом бумаги застал, — но его засмеяли: кто и где видел грамотную бабу?

Струхнув, попробовала юркнуть за толстую ель, но Тирнари жестом как приморозила меня к земле.

— Ты Мирка, сирота, правильно? Живешь у Сибира? — голос был низким, требовательным. Глаза не серые, как у всех в деревне, и не карие, как у меня, а зеленые, с черными ресницами, смотрят в упор, не смущаясь.

Застеснялась я. Уставилась в землю, еле головой кивнула.

— Иди сюда, покажу, что искать надо. Пойдешь со мной. С твоим хозяином я вечером сама потолкую.

Я испугалась — ведь послали меня в лес за земляникой. А если не наберу, таких плух надают, что неделю голова кругом идти будет. Тирнари как мысли прочла, усмехнулась:

— Не бойся. Если ты мне не сгодишься, отпущу через час. Тогда успеешь набрать свои ягоды. А если подойдешь, Сибир тебе уже ничего не сделает. Запоминай, что искать надо! Гриб на стволах берез — чагу — знаешь?

Я кивнула.

— Вороний глаз наверняка тоже знаешь. Теперь смотри внимательно — мох нужен. Вот такой, голубой. Он редкий. Найдешь — все не рви, ощипывай так, чтобы снова отрос. А место, если можешь, запомни. Вот еще солнцезвезд и царь-корень — знаешь такие? Нет? Смотри сюда — вдругорядь объяснять не стану.

За час я сумела сыскать две больших чаги, куртинку редкого мха и царь-корень, по моему мнению, походивший на хилую рябину-недоросток. Тирнари одобрительно кивнула головой, замотанной в синий платок до бровей:

— Хорошо!

Еще через час она дала мне кусок свежего хлеба, на котором лежала ветка укропа и — жуткая невидаль и дивное лакомство! — кусок куриного белого мяса. Я выпучила глаза и начала кланяться. Тирнари рассмеялась, но как-то невесело.

— Ну что, пойдешь ко мне жить?

Я посмотрела на бутерброд. Подняла взгляд на солнце. Прикинула, сколько времени уж прошло, как далеко мы ушли от земляничных полян и что ягод мне до вечера теперь точно не собрать. Оценила масштабы грядущей головной боли и вероятность того, что она перейдет в очередную порку крапивой или вожжами... и кивнула.

Почти до заката мы ходили по лесу — я прежде никогда не забиралась в чащу так далеко. Тирнари отдала мне одну из корзин и маленькую лопатку, оставив себе нож. К вечеру моя корзина была полна на две трети.

— Хорошо! — и мы повернули к заходящему солнцу.

Всю обратную дорогу я гадала: как живет травница? Представлялись то хоромы с железными воротами, то землянка с сушеными змеиными головами под потолком. Оказалось, не так и не эдак. Справная изба-пятистенка в часе ходьбы к югу от деревни. За избой — большой огород. Но не с огурцами или тыквами, как было принято в деревне, а с разными травами. Я узнала фиолетовые цветы душицы, розоватые — мяты, белые — Melissa лимонной, лиловые — тимьяна. И над всем этим душистым великолепием стоял пчелиный гул.

— Пчел не боишься? — подняла черную бровь Тирнари.

Я помотала головой. Совсем не боюсь! Наоборот, после одного случая этим летом я стала считать их друзьями. Тогда несколько деревенских подростков подкараулили меня на опушке, когда я возвращалась из леса. Сначала просто начали обзывать. А потом попробовали повалить и содрать юбку. Чем такое может кончиться, в свои девять лет я знала

— и дралась как бешеная. Расцарапала Ельке ногтями щеку до крови, другого укусила чуть не до кости... и рванула бежать. К деревне дорогу мне перекрыли, вот я и помчалась к поляне с пасекой. Парни кинулись следом, крича на ходу, что с этой шалавой сделают... Я не нашла ничего лучшего, как опрокинуть один из ульев, содрав крышку. И влетела в гудящее черное облако. Трое бросились за мной... а потом, еще резвее, от меня. Точнее, от пчел, которые искусили их так, что шеи стали толще, чем щеки. А глазки и вовсе в щелочки превратились.

Вечером к Сибиру пришел с жалобой сам староста Хрунич. А потом меня избили так, что два дня я не могла ни сидеть, ни работать. Лежала на скамейке в горячке. Тут уже тётка Фарина пошла к старосте и устроила тому скандал — что девка для дела нужна. А если хочет игрушку для своего балбеса, так пусть сам и кормит. Я случайно — из сеней — услышала пересказ этого разговора. Тогда я поняла две вещи: что Фарина за меня вступилась и что, пока не придут женские недомогания, трогать меня не должны. Что будет потом — я думать боялась. Мужчин я ненавидела. Всех.

Тирнари кивнула, будто что-то поняла.

— Завтра покажу, какие тут травы растут. И расскажу, как за чем ухаживать. А сейчас давай разберем, что принесли, и пойдем к старосте — скажу, что я тебя забираю.

Странно, мне показалось, что изба была не заперта. Тирнари просто повернула ручку и вошла. И собаки нет... Травница что, совсем чужих не боится?

В светлой сосновой горнице стоял по центру огромный, как на семью из восьми человек, стол с парой лавок и двумя стульями рядом. В дальней части — большая белая печь. Рядом — полки на стене со всякими коробками, банками, склянками. Под окнами — пара крепких сундуков. У боковой стены начиналась и уходила за печную трубу крутая лестница наверх. В другой боковой стене дверь во вторую комнату. Тирнари поймала мой взгляд:

— Моя. А ты будешь спать тут вот, под лестницей. Можно и наверху, но у печки зимой всяко теплее. А наверху травы сохнут, да припасы лежат. Но это потом. Сейчас запоминай: едим вот на этом краю стола. Остальное — для работы. Не вздумай туда тарелки ставить или хлеб класть — поняла? Сейчас разбираем травы — я покажу как. И вешаем сушить. А потом идем в деревню.

Я хотела открыть рот, спросить: а попить можно? — в горле пересохло — и прикусила язык. А то вдруг начну канючить, а меня выгонят? А мне очень, очень хотелось тут остаться. Я всю жизнь мечтала спать если не на печке, то хотя бы рядом. Чтобы было тепло и не нужно было в напрасной попытке согреться подтягивать худые колени к подбородку, обнимать себя руками и стучать зубами.

Кружку воды из ведра с колодезной водой мне выдали. И объяснили, что стоять это ведро должно на скамейке у печки. И надо его прикрывать деревянной крышкой, чтоб вода чистой была. К колодцу ходят с другим, что под лавкой. Кружкой не черпать. А вот берешь чистый ковшик с гвоздика на стене, им зачерпнула, в кружку себе налила, ведро прикрыла, а ковш снова на стену повесила. Вот так! Все это, в принципе, я уже знала, но послушно кивала головой. Убеждение, что если не хочешь неприятностей — не перечь и лишних вопросов не задавай, я усвоила в раннем детстве.

Уже в сумерках мы пришли к дому Хрунича. Тирнари цыкнула на мгновенно заткнувшуюся собаку и постучала кулаком в дверь. Похоже, старосты она не боялась совсем. Хозяин, увидев нас на пороге, вылупился на меня выцветшими глазами, почесал окладистую бороду.

— Значит, так, — начала травница, — сироту Мирку я себе забираю в помощницы. А если согдится, станет ученицей. Сами знаете, сколько и за что мне должны, — вот её я беру, а долг прощаю. Согласны?

Староста открыл рот, но Тирнари подняла ладонь:

— Ну, мне с вами лясы точить некогда. Я сказала. К Сибиру сейчас зайду сама, заберу вещи девчонки да предупрежу, что ты добро дал. Прощевай, Хрунич!

Повернулась и потащила меня за руку за собой.

Вот так разговор!

Поймав мой восхищенный взгляд, Тирнари подмигнула.

Дома все прошло не так гладко. Когда до тетки Фарины дошло, что меня уведят, причем насовсем, начался жуткий скандал. К жене присоединился недовольный Сибир. Похоже, нападать на Тирнари дядька боялся, зато я услышала много всего, от знакомых с детства «чернавка поганая», «приживалка-нахлебница», «шлюхина дочка» и «подзаборное отродье» до того, что я — криворукая ленивица, за прокорм которой за девять лет Тирнари должна вернуть, если хочет меня забрать, десять золотых.

Такой разгневанной травницу я еще не видела.

— Я вижу не девчонку, а худосочную мышь затюканную. Десять золотых, говорите? Да как Мирка на вас с рассвета до ночи ишачила, вся деревня обзавидовалась! А куда ты, Фарина, дела те два кольца, что с рук ее матери сняла? Что такое материнское проклятье — слышала? Вот предрекаю тебе своей Силой — верни сама девке то, что у нее забрала, или ни одна из твоих трех дочерей замуж не выйдет!

Тетка Фарина побелела, открыла рот и схватилась за косяк.

Сибир рявкнул на жену:

— Дура! Неси кольца, пусть подавится! — потом покосился на меня нехорошим налитым кровью глазом. — А тебе еще припомню... Назад попросишься — не возьму!

Я хлопала глазами — какие кольца? Мне всегда говорили, что я — дочь забредшей в деревню и сдохшей в придорожной канаве шлюхи, которую приютили из жалости.

Но что бы там ни было, Фарина, вся в слезах, притащила шкатулку и с ненавистью ткнула ее в руки Тирнари:

— Бери!

Травница открыла, посмотрела на меня, потом заглянула под крышку. Достала оттуда желтенький тонкий ободок с блестящим переливающимся камушком и другое, белое, без камней — просто квадрат с непонятными знаками.

— Да, эти. Спасибо, Фарина. А содержание Мирка тебе давно отработала, и ты это знаешь. С дочерьми не волнуйся — к Палаше сваты будут до следующего лета. Поняла?

Тетка снова всхлипнула. Открыла рот, закрыла. Кивнула.

Тирнари посмотрела строго, развернула меня за плечо прочь от дома и пошла широким шагом, утягивая за собой. Я босыми ногами семенила следом.

— Ну что, за девять лет ни одной тряпки не заработала? — голос моющей меня Тирнари звучал насмешливо.

Я пыталась сообразить, к чему все столь стремительно случившиеся в моей жизни перемены и еще, как же теперь без меня будут доить Зорьку? Она ж молодая, вымя нежное, к ней подход нужен. Может, сбегать завтра с утра, показать, как с ней надо обращаться? А еще более важный вопрос — а как мне называть Тирнари? Не по имени же? Но и слово «тетка» совсем не подходило к этой статной чернокозой женщине с властным лицом. А как? А потом меня озарило — слышала я правильное слово!

— Госпожа Тирнари, — и попыталась поклониться в пояс, стоя в медном тазу с теплой водой.

Травница захохотала.

— Ну, ты и забавница! Хоть представляешь, как это выглядит, когда тебе голышом в тазу кланяются?

Я задумалась. А не все равно — когда? Главное — кланяются или нет. А уж в чем одеты — это как получится.

— Зови меня просто — Тин. Считай старшей сестрой. Есть в нас кое-что общее, но ты того пока не поймешь. Подрастешь, поговорим. Будешь хорошо работать, помогать, учиться, не лениться — останешься у меня. Если нет — вернешься в деревню.

Представив встречу, которая ждет меня после сегодняшней сцены в доме Сибира, я, как ошалевшая, замотала головой. Буду, буду работать! И учиться буду — что бы это слово в устах Тин ни значило!

— А сейчас стой смирно — дай я на тебя посмотрю. Мелкая, что понятно при такой жизни. Костяк узкий, но крепкий. Мышцы, как у мальчишки. Запястья узкие, порода видна. А вот ладони и пальцы ты себе испортила. Ничего, пока маленькая, не поздно — приведем в порядок за год. Шрамов на тебе откуда столько? Били? Что, и по животу, и по плечам, и по ногам? Ничего, сведем, почти незаметными будут, это я умею. Зато теперь пусть сами доят свою Зорьку! — и подмигнула мне.

Я переминалась в стынущей воде и не знала, как реагировать, — так со мной никто и никогда не разговаривал.

Тин велела стоять смирно, притащила банку с чем-то зеленым с густым терпким запахом и начала смазывать белые полосочки старых рубцов и шрамов.

Потом вздохнула:

— Да так до утра проваландаемся! — зачерпнула мазь ладонью и начала возюкать все подряд. Через три минуты закончились и банка, и я.

— Вылезай. На скамейку не садись. Стой, пока не впитается. Сейчас тебе молока козьего дам, а как подсохнешь, спать уложу.

С этого дня началась другая жизнь, и мне она очень нравилась. Только я боялась, что все кончится так же внезапно, как началось. И старалась быть очень послушной и очень старательной — по своему почину мыла пол в горнице каждый день, полола огород, таскала воду про запас, ухаживала за парой коз и десятком кур, обитающих в сарае. Закончилось тем, что Тин запретила мне мыть полы чаще двух раз в неделю, да и то велела это делать, только

если приходил кто-то из деревни в грязной обуви. А так подмела — и хватит.

Оказалось, что к Тин за помощью ездят не только из нашей деревни, но и из Перекатов, что в двадцати лигах к югу. И даже из Сухой Сохи — большого поселка к западу от нас.

Еще я твердо знала: если не хочешь получить нахлобучку — пока взрослые не позволят — сама рта не раскрывай! И действовала по этому принципу до тех пор, пока Тин меня не отругала за то, что я ничем не интересуюсь и вопросов не задаю. Мол, как же я буду учиться, если мне ни до чего вокруг дела нет? Я растерялась. И попробовала объяснить, что мое место — у порога, последнее. Что рот надо держать на замке и не открывать, пока не спросят. А на вопросы отвечать коротко и внятно — да или нет.

Тин вздохнула. Приподняла пальцем мой подбородок. Посмотрела в глаза очень внимательно:

— Забудь все, что тебе говорили. Это не так. Начнем сначала. Дурацких вопросов терпеть не стану, а по делу готова рассказывать все, и еще немного сверху.

Я задумалась: а как понять, какие — дурацкие, а какие — нет?

— Дурацкие — вопросы ради вопросов, — вздохнула Тин. — Пошли на огород, там и начнем. По ходу дела поймешь, о чем я.

Вечером за ужином я задала тот вопрос, который волновал меня больше всего: почему Тин меня взяла к себе? И надолго ли мне такое счастье?

— Мири, — Тин звала меня так, а не Миркой, как деревенские, — слушай внимательно, что я скажу, и запоминай. Это важно. Поняла?

Дождавшись моего кивка, продолжила:

— У тебя, как и у меня, есть сила. Большая ли, маленькая — не знаю. Моих умений распознать то не хватает. Я знахарка, а не волшебница. Но в том, что она есть, не сомневайся. Потому ты и с животными ладишь, и пчелы тебя не кусают. Поняла?

Я снова кивнула головой с молочными усами.

— Тогда слушай дальше. Твоя мать не была шлюхой. Не знаю, кем был твой отец и куда он пропал, но твою мать нашли после кораблекрушения на берегу. Выжила она, потому что была спрятана в большой сундук. И была беременна тобой на последнем месяце. Она не говорила — то ли была немой, то ли онемела от испуга. Тут она прожила совсем недолго. Умерла через месяц после того, как родила тебя, от кровотечения. Почему так вышло — рассказывать не стану. Вырастешь, узнаешь сама. Я ее застала, когда сделать было уже ничего нельзя. Она только написала на моей ладони несколько знаков. Сейчас я поняла — это имя, которое она тебе дала. Видно, она и до меня пыталась его донести... да вышло криво. Ты не Мирка. Твоя мама назвала тебя Тимиредис. Запомни это! Я пока буду звать тебя Мири.

Наверное, глаза у меня были совсем квадратными, потому что Тин замолчала.

А я пыталась уложить в голове перевернувшуюся картину мира — моя мать плыла на корабле и умерла от болезни. Она меня любила. Она умела писать! И дала мне чудесное длинное имя, какого тут не было ни у кого.

— А кольца? — задала я первый пришедший в голову вопрос.

— Кольца, да. Единственный след. Потому я их и стрясла с твоей Фарины. Ей они что корове седло — ни на один палец не налезут, на другую руку деланы. А тебе вдруг да помогут найти родственников? Чем Лариша не шутит?

В богиню удачи, Ларишу, я верила с тех пор, как нечаянно разбила фарфоровую тарелку на кухне и думала, что меня за нее убьют, но тут, как по заказу, грянул гром, сорвалась ставня

и расколотила еще пяток. Моя криворукость в общем бедламе проскочила незамеченной.

— Золотое, думаю, было обручальным. Похоже, во всяком случае. А другое — из синеватого металла — сама не знаю, что это. Какие-то руны. А чьи — не ведаю. Руны и у викингов есть, и, говорят, у эльфов. А еще рассказывают, что у драконов тоже руны. Тут я тебе не помощник. Все, что могу, это сделать так, чтобы кольцо у тебя не отобрали и не украли. Но магия это довольно сложная, и тебе может быть больно. Решай сама — хочешь схоронить его или станешь кольцом носить?

Думала я недолго. За всю жизнь у меня не было ничего своего. Если рубаха — то обносок. Если обувь — то самые дешевые лапти с напиханными для тепла шерстяными оческами. И тут такая драгоценность! Конечно, надо прятать!

— Ну ладно. Решили, тянуть не стану. Сейчас посуду сполоснем и сделаем, — кивнула Тин.

Я глядела во все глаза. На то, как Тин подошла к правому — большому — сундуку, сделала непонятный жест, и крышка сама открылась. На здоровенную книгу в черном переплете, которую она оттуда достала. На то, как она положила ее на середину стола, стала листать, бормоча под нос, пока не ткнула пальцем — вот! Зачитала что-то вслух — на мой взгляд, полный бред, такого и пьяный Гуслич после самогонки нашего шинкаря не выдавал! Поманила меня пальцем. Расстегнула мою рубаху от горла, ощупала грудину пониже ямки, где сходятся ключицы.

— Вот тут пойдет! Теперь, Мири, терпи!

И, положив на облюбованное место кольцо печаткой кверху, прижала его ладонью. И снова, уткнувшись носом в книгу, начала произносить странные слова. Сначала было ничего — просто холод ободка. Потом тепло, жар... и боль, как от ожога! Резкая, режущая, рвущая. Я чуть не заорала в голос. Но вместо этого прикусила губу, стиснула кулаки и зажмурила изо всех сил глаза. Тин же предупредила, что будет больно! И я хочу его сохранить...

Что было дальше — сама не знаю. Открыв глаза, увидела потолок и брызгающую на меня водой Тин.

— Очнулась? Я уж решила, что что-то напутала. Ну, вставай, давай проверять, что вышло.

Я дернулась — опять будет больно?

— Нет, не будет, не пугайся. И посмотри сама на грудь — никаких следов нет.

Я скосила глаза вниз. И вправду, ключицы, тощая грудина с выступающими ребрами и парой сосков — и никаких следов кольца.

— Слушай. Кладешь ладонь — считаешь до ста. Убираешь ладонь — смотришь. А получить кольцо назад сможешь, только когда найдется человек, прав у которого на него не меньше, чем у тебя самой, поняла? Тогда положишь его ладонь поверх своей, досчитаешь до трехсот, и оно возникнет в руке. Давай. Клади руку и считай!

— А я не умею до ста...

— А до скольких умеешь?

— До дюжины.

— Дальше повторять за мной будешь — заодно и поучим.

Я положила ладонь пониже ключиц и послушно уставилась Тин в рот.

Мы доползли до полусотни, когда та сказала — хватит! И велела убрать руку. Я посмотрела вниз — на моей коже горели те же голубовато-серебристые знаки, что были на

печатке кольца. Только сейчас они были не в ноготь указательного пальца величиной, а большими — в половину ладони. И как бы светились изнутри.

Я захлопала глазами. Вот это да! Тин — настоящая волшебница! А если у меня Дар, я тоже так смогу?

Тин усмехнулась:

— Как научишься свободно эту книгу читать, так и сможешь! А сейчас давай ложиться спать — пора.

Летние дни тянулись сладким кленовым сиропом — тягучие, золотистые, восхитительно длинные. Солнце поднималось из-за дальних гор, освещая поляну в редколесье, где стоял наш дом. Дел в деревнях сейчас было немного — летом болеют мало, разве что какой несчастный случай произойдет. Зато пару раз Тин звали подыскать хорошие места для постройки новых домов и рытья колодцев при них. Тин долго бродила по вершине облюбованного холма, забрала выбранное место, заставила сдвинуть углы на два десятка локтей и развернуть, показала, где должна быть печь, а где — кровать. Ходившие за ней с киянкой хозяева покорно кивали головами и заколачивали в землю кольшки. Мне Тин велела встать в сторонке, чтоб не мешаться, закрыть глаза и попытаться почувствовать — где тут плохо, а где — хорошо.

Я сделала, как она велела. Прислонилась к стволу дерева в тени, закрыла глаза и стала поворачивать лицо туда-сюда. А что такое хорошо? Это когда тепло? А плохо — холодно? Или я неверно понимаю?

— Хорошо — хочется прийти и там остаться. А плохо — испытываешь беспокойство, тебе неуютно. В общем, дискомфорт.

Тин, кстати, часто вставляла в речь незнакомые мне слова. Внимательно следила, чтобы я спрашивала, что они значат, запоминала и употребляла их как можно чаще. А часть слов, вроде привычной мне с детства «задницы», произносить запретила, сказав, что девушки так не выражаются. Я уставилась на нее и спросила — а сидят эти вежливые девушки на чем?

Выяснилось, не на задницах, а на задах. Если честно, разница мне принципиальной не показалась.

Пока думала о расширяющемся лексиконе, Тин подошла ко мне и, велев не открывать глаз, потащила за собой, время от времени останавливаясь и спрашивая:

— Тут хорошо?

Иногда было хорошо, иногда я мялась с ноги на ногу, что Тин трактовала как «плохо». Иногда никак.

— Хорошо. Открывай глаза. Полное совпадение с моими ощущениями.

Следившие за нами крестьяне кивнули. Я захлопала глазами. Выходит, я и в самом деле что-то чувствую?

За свою работу Тин попросила шерсти и отрез полотна. И дома усадила меня за прялку, которая нашлась на чердаке. А потом сшила мне длинное — до лодыжек — платье, штаны под него и связала шерстяную жилетку. Такой роскошной одежды у меня никогда еще не было!

Уже позже я поняла, что Тин дала мне пару недель отдыха, прежде чем взяться за меня всерьез. Она расспрашивала меня о том и о сем, рассказывала сама — и о дальних городах, и о больших кораблях, о странах, где почти не бывает зимы. Я слушала с широко раскрытыми

глазами — ее истории казались дивной сказкой. И что еще важнее — в первый раз в жизни кто-то говорил со мной, видел меня! Я больше не была пустым местом с руками, куда можно сунуть — по надобности — ведро с тряпкой, ухват с горшком, грабли с тяпкой или подойник. В конце концов я решила, что когда вырасту, буду похожей на Тин. Такой же умной, сильной, независимой. И не подпущу к себе на три лиги ни одного мужчины! Потому что они — гады!

Насколько они гады, я узнала, когда однажды мы отправились по делам в мою родную Зеленую Благодень. Тин зашла в одну из изб, осмотреть искусанного осами мальчугана, а я осталась на улице. Очень гордая и новым статусом, и новым платьем. И, когда показалась ватага из полдюжины подростков во главе все с теми же Елькой и рыжим Зимкой, и не подумала прятаться, как делала это раньше. А гордо сообщила:

— Моя мама приплыла на корабле! И она умела читать!

Пацаны заржали.

— Умела-умела, да не читать! — Елька сложил из пальцев кольцо и ткнул в него указательным пальцем другой руки. — Всей деревне давала, кого хочешь спроси!

Парни загоготали еще громче.

— Вот и ты, шлюхина дочка, расфуфырилась... по стопам мамки собралась? — процедил длинный прыщавый Иржик. И добавил, вызвав новый взрыв хохота: — Так мы того, подсобим!

— Неправда! — я почувствовала, как из глаз брызнули слезы. — Мама не такая!

— Такая-такая, — парни приплясывали вокруг, кривляясь.

— Не-е-ет! — и бросилась на Ельку.

Когда на крики и шум из избы выскочили Тин с хозяйкой, мы катались рычащим вопящим клубком в дорожной пыли. Я дралась изо всех сил — колотила кулаками, лягалась, царапалась, кусалась — мне было так больно, что я не чувствовала ударов, сыпавшихся на меня. Подол нового платья был разодран до пупа, глаз подбит, в волосах полно грязи. Зато я выбила кому-то зуб и надорвала ухо.

Тин выволокла меня из потасовки за руку, а потом рывкнула на парней так, что те рванули прочь по улице не оглядываясь.

Вечером, закончив зашивать испорченную юбку, я спросила:

— То, что они говорили о маме, правда?

— И да, и нет.

— Как это? Либо что-то было, либо не было! — вскинулась я.

— Она была беззащитна, больна, не могла говорить, страшно боялась за тебя, понимаешь? Она хотела, чтоб тебя оставили жить. У нее не было выбора. А я, я узнала о том, что происходит, слишком поздно.

Значит, её заставили. А потом сами обвинили. И её, и меня.

Я. Их. Ненавижу.

И я сделаю все, чтобы не быть беззащитной! И никому не уступлю!

— Мири, не злись. Такова жизнь. Они всего лишь люди.

Они — плохие люди. И я не забуду того, что случилось. Они же ее убили!

— Мири! Подумай о том, что, какими бы они ни были, ты осталась жива. А если б тебя бросили в лесу? Подумала?

Ох-х...

Я не знаю, что думать. Но то, что в этом мире плохо слабым, похоже, верно. Я не буду

слабой. А с мамой... Ведь кто-то же был первым? И настанет день, я узнаю, кто это был. И отомщу.

С того дня я засыпала Тин вопросами. Я не знала, что конкретно мне нужно, и хотела всего — учиться читать и писать, изучать травы и их применение, узнать, как можно научиться магии, — почему-то последнее казалось мне самым привлекательным и перспективным. Но пока особых прорывов не было — мы ходили за травами в лес, иногда даже с ночевкой. Тин говорила, говорила... я узнала кучу новых слов, научилась считать, выучила таблицу умножения, узнала, как выглядят деньги, — до того, как переехала к травнице, я даже медяка в руках не держала. Расширила лексикон — оказалось, что в мире уйма интересных слов, которых я не знаю. И из которых можно сооружать очень интересные конструкции. Когда мы на узкой тропинке у реки столкнулись с Зимкой, я обозвала того перманентным олигофреном. Зимка открыл рот, а Тин засмеялась.

Каждый вечер Тин упорно мазала меня зеленой дрянью. Я уже знала, что вонючая каша помогает рубцам рассосаться, усиливая кровоток. И верно — сетка самых тонких уже бесследно сошла. Но чесалось это все невыносимо...

— Терпи. Это надо делать, пока ты маленькая и растешь. И так может быть уже слишком поздно.

Ну вот зачем мне их сводить? Я же уже решила, что замуж не пойду, и вообще, ни одного мужика в моей жизни не будет!

— Ты делаешь это не для кого-то, а для себя. И, раз ты все равно зеленая, вылей-ка это на голову, а то у тебя от недокорму волосы секутся.

Я послушно облилась ржавого цвета бурдой. Потому что верила: Тин знает, что творит. Или не знает... Потому что, подмигнув, травница добавила:

— Тебе еще десяти лет нет, а ты уже готова на всех мужчинах крест поставить.

И поставлю! А перед этим еще в землю закопаю!

— Давай вернемся к этому вопросу годика через четыре. А пока помни, ты делаешь все для себя. Но сейчас ты права — от парней держись подальше! Запомни: хочешь выявить настоящую силу волшебства — ничего себе не позволяй!

Ничего не позволяй? Да и не собираюсь! Я ж решила, что мне все эти бородатые козлы в спущенных портах и с луковым запахом изо рта даром не нужны!

— Мири, ты ребенок еще! Ты думаешь, все мужчины такие?

А что? Бывают еще хуже?

Постепенно я входила во вкус новой жизни. Отъедалась, росла, свела почти все шрамы, научилась разбираться в травах на уровне средней деревенской знахарки — Тин хвалила меня за скрупулезную аккуратность в дозировках. Всю первую зиму она учила меня писать. Выходило так себе. Пальцы больше привыкли к физической работе — скручивать шерсть или дергать сорняки, чем держать перо. Тин сказала, что это нехорошо — в магии многие вещи делаются жестами. И результат зависит от их точности. А если у меня будут руки-крюки, то и волшебница из меня выйдет криворукая. Если вообще выйдет. И заставила спать в пропитанных кремом длинных, до локтей, перчатках, которые грели руки. Кожу от них щипало, но Тин уверила, что так быть и должно.

— А зачем они до локтей-то? — попробовала вкнуть я.

— А затем, что мышцы, которые сгибают твои пальцы, находятся вот тут, — Тин ткнула в руку выше запястья, — а не в ладони. Поняла? И будешь каждый день складывать фигурки из пальцев час. И писать — час правой рукой, час левой.

Да она что, с ума сошла? Где это видано, чтоб люди двумя руками писали?

— Не нравится? Иди к Сибиру, у них Зорька давно не доена!

Убойный аргумент.

А еще я каждый день должна была сидеть в полумраке на заднице, ой, извините, на заду, согнув кренделем ноги и соединив руки. И не думать ни о чем. Ничего не выходило до тех пор, пока Тин не посоветовала выбрать слово.

— Слово? Это как? Что это значит?

— Сейчас поймешь. Оно у каждого свое. Помогает успокоиться, найти точку равновесия. И еще запомни: свое слово ты никому не должна говорить. Вот подумай, что тебе нравится? Например, лес. Представь еловую чащу, где солнечный свет падает сверху только тонкими лучиками, где пахнет хвоей и все мшисто-зеленое... Или поле. Вообрази, как море трав вперемешку с маками и колокольчиками колышется волнами под порывамипряного ветра. Нравится? Или озеро. Или камень. Скала. Гора. Ручей. Море. Облако. Огонь. Ну, ты поняла... выбери то, что тебе всего ближе, чтобы ты почувствовала зов, внутреннее сродство... и так найдешь свое слово.

— А у тебя какое, Тин?

— Не скажу. И ты мне свое не говори.

Странно. Из всех слов и образов, которые я перебрала, ближе всего мне оказался снег. Синий, вечерний, растворяющийся в морозных сумерках. С блистающими на нем искрами, когда над черным зимним лесом встает луна, и сливающийся с тьмой, когда она заходит. Почему-то снег днем я совсем не могла представить. Как и тающий на жарком солнце весенним днем сугроб. Только тьма и холод, холод.

Но когда я переносилась в этот стылый сумрак, внутри будто возникал островок покоя. Я цеплялась за него, переползала туда, сворачивалась клубком... там никто не мог меня достать или потревожить. Это было МОЁ. Мне там было хорошо, комфортно, правильно.

Я подозревала, что Тин каким-то образом знает, о чем я думаю. Но сама она никогда этого не подтверждала, а от прямых вопросов на эту тему уходила.

— Запомни, Мири! Нужно заниматься такими медитациями два раза в день, не меньше. Тогда твой Дар, если он есть, постепенно проснется и покажет себя. А еще может так

однажды случится, что твое слово изменится. Не удивляйся, такое тоже бывает.

Зачем мне изменять моему снегу? Мне с ним хорошо — он не лжет, ничего не обещает. С ним я не чувствую ни боли, ни одиночества. В том мире мне не нужны друзья, другие люди — если б они появились, то стали бы лишь помехой. Моя задача очень проста — научиться всему, чему можно, чтобы перестать быть слабой. Чтобы больше никогда в жизни не быть чьей-то игрушкой и ни от кого ни в чем не зависеть.

Постепенно, сначала по складам, а потом по словам, я начала читать те несколько книг, что хранились в сундуке у Тин. Я рвалась к черному толстому тому — Тин пожала плечами и дала мне его. Я раскрыла... и поняла, что не могу разобрать ни словечка!

— А ты думала, все просто? — засмеялась травница.

Кстати, вот никак не могу понять, сколько Тин лет? В черных прядях нет ни одного седого волоска, зеленые глаза яркие, лицо без морщин. Кожа на руках гладкая, как у девушки. Но выражение лица и жесткие складки у губ говорят о том, что картина беззаботной юности обманчива. Не выдержав, спросила прямо. И получила интересный ответ:

— Мири, у магов другой счет лет. Чем больше сила, тем медленнее идет старение. Можно и вообще замедлить его так, что будешь жить много десятилетий или даже сотен лет. Ну, мне не так много, но лучше я промолчу, а то окрестные бабы толпой за молодильным зельем побегут, а им не объяснишь, что дело не в зелье...

Мне Тин еще раз велела больше медитировать, писать каждый день, не соваться на мороз без варежек. А к выпавшему снегу подарила мою первую настоящую пару обуви — роскошные черные валенки с обшитой кожей пяткой. Я была от них в таком восторге, что в них и садилась медитировать. Писала и читала я тоже в них. Тин посмеивалась.

Книги, кстати, мне стали нравиться. Неважно, что одна была показавшимся вначале занудным жизнеописанием дочки какого-то ушедшего в заморское плаванье купца. Прекрасная Сирана вздыхала по черноокому юноше, встреченному по дороге в храм, читала письма от отца с описанием дальних стран, а в оставшееся время вела дела в торговавшей посудой и коврами лавке. Сначала пришлось продирается через текст, потому что оказалось, что я не понимаю каждое третье слово. Всякие комод, митенки, бухгалтерия, лиф, каре, веер, фаянс, верблюд, паланкин, карета, лобзание и длань — не имели для меня никакого смысла. Тин обрадованно потерла руки и сказала, что даже не рассчитывала на такую удачу! Вот теперь-то мы расширим мой словарь!

К концу книги я была убеждена в двух вещах. Во-первых, что жить в городах очень интересно и я хочу своими глазами увидеть кареты с впряженными в них верблюдами. А во-вторых, что я была права, и мужчины — это страшное зло. Приезд отца из дальнего плаванья несчастная Сирана встретила с ребенком на руках, и только вмешательство в историю честного градоначальника заставило легкомысленного юношу взять брошенную возлюбленную в жены. Я недоумевала — вот на фига он ей сдался? Ребенок уже есть, денег хватает, а так — мужик с возу, кобыле легче!

Другая книга рассказывала о морских сражениях последней большой войны с викингами. Я часами рассматривала рисунки кораблей, разбиралась, как называется какой парус или веревка, пыталась понять, как стреляет оружие, — что-то внутри отзывалось, когда я читала про кровавые битвы, летящие по небу облака стрел и горящие на воде обломки кораблей. Тин мне не мешала до тех пор, пока однажды я не сообщила, что к нашему забору пришвартована чья-то чужая коза. После этого она убрала книгу о подвигах лорда Тирса в

сундук и достала третью — иллюстрированное пособие по ботанике. Сказав, что, если даже я не буду волшебницей, знание растений позволит мне стать травницей или помощницей аптекаря и вести достойную и безбедную жизнь.

Пару раз Тин пробовала меня научить простым заклинаниям. Зажечь свечу, отпереть замок. И там и сям надо было сосредоточиться, представить текущие вокруг серебристые потоки, произнести несколько слов и сделать жест рукой. Я и слова вызубрила, и рукой махала... но ничего не выходило. Один раз мне показалось, что фитиль чуть задымился... и всё. Думаю, дело было в тех потоках — я их совсем не видела и черпала наугад. А может, и не черпала.

Тин неудача не обескуражила. Она сказала, что пока рано. Вот стану девушкой, и после этого через год-другой мой Дар должен проявиться. А до тех пор мне надо учиться тому, что в жизни пригодится. Например, аккуратно есть ножом и вилкой. И не сморкаться в подол. Да, и не ругаться себе под нос словами, каких и на конюшне не услышишь, всякий раз, как она делает мне замечание.

Я покаянно кивнула.

Зимой у нас было два основных занятия. Первое — составление из летних запасов травяных смесей, облегчающих простуду и снимающих жар. Я училась правильно ошипывать и толочь листочки иван-чая и ивовую кору, ту самую чагу и лишайники разных видов. Смеси аккуратно засыпались в маленькие бумажные пакетики, после чего Тин, для верности понюхав и лизнув содержимое, лично подписывала, что в них лежит. Из деревень приезжали на дровнях или приходили крестьяне, которым мы за мешочек крупы или куриную тушку и выдавали потребные снадобья. Соглашались и на шерсть или кусок домотканого полотна, на кусочек масла, даже на дрова. Сами мы выбирались к больным не очень часто — разве что кто-то сильно занедужит или рожать соберется. Кстати, первые же увиденные мной роды подтвердили уже сформировавшееся мнение: мужики — козлы. Ни одна девушка в здравом уме и добровольно на такое не пойдет. Тин посмеялась и сказала, что ничего-то я не понимаю. Не понимаю, согласна. И абсолютно не хочу понимать.

Второе занятие нравилось мне намного больше. Тин учила меня выживать в лесу и охотиться. Как смастерить снегоступы и закрепить их на ногах. Как ходить по сугробам, чтобы не проваливаться. Как разобрать по следам, кто пробежал. Как поставить силки на зайца. Как найти куропаток в снегу. Почки каких деревьев и какие лишайники можно жевать для поддержания сил, если в лесу нет дичи. Как понять, что вот-вот начнется буря или ударит мороз. Какие дрова надо собирать, чтоб горели долго, а тепла было больше. Этим «как», казалось, не будет конца. И мне всё это очень, очень нравилось. Сама Тин еще и умела стрелять из лука достаточно хорошо, чтобы попасть в бегущую лисицу. У меня не получалось — не хватало силы рук натянуть как следует тетиву, но Тин сказала, что найдет подходящую ветку и сделает мне маленький лук. А мастерить стрелы научит между делом.

А в оставшееся время меня продолжали мазать зеленой гадостью уже не из свежих, а сушеных трав, заставляли зубрить составы травяных смесей и медитировать.

Но как же мне тут хорошо! Разве можно было сравнить житье у Тин с тем, что было у Сибири? Когда я вставала в четыре утра, чтобы натаскать дров, затопить печь, вскипятить воду, запарить отруби и овес, раздать сено коровам, овцам и паре хозяйских коней, подоить коров, покормить поросят и кур, вывезти из хлева на кучу навоз, принести воды, приготовить завтрак, убрать за всеми, вымыть избу, отскоблить стол... и так до самого вечера, когда уже в

темноте приходилось насыпать в ведра овес, который предстояло запарить на следующем рассвете. Интересно, как они без меня?

— Про Сибира думаешь, да? — усмехнулась Тин. — Говорят, им на твое место пришлось двух батраков взять, и то не управляют. Садись-ка за стол, поучу тебя высокому стилю, что сама помню... а то встретишь важного господина и влепишь ему с ходу про курей и задницу.

В сторону Благодени Тин мне строго-настрого ходить запретила. Неважно, как я знаю там лес. Несущественно, что помню и все ягодные, и грибные места — где черника есть, а где клюкву можно ведрами брать, где лисички или боровики растут, а где после ветра всегда хворосту много. Чтоб ноги моей там не было! И посмотрела строго. Так, чтоб я поняла — дело серьезное. А потом добавила:

— Если будет невтерпеж, зови меня. Выкрою время, схожу с тобой. В моем присутствии тебе ничего не сделают. А без меня чтоб ни-ни!

Да еще пальцем погрозила.

Мне было жаль... Несколько мест — овраг, где по весне можно было собрать за пару часов корзину строчков со сморчками, редколесье, где я ежегодно находила колосовики, и спрятанную в чаще полянку малины — не знал никто, кроме меня. Ничего, новые найду!

Вообще Тин держала меня все время под присмотром. Если уходила или уезжала куда — брала с собой. Если я возилась с козами — дойку пары норовистых тварей с бесовскими желтыми глазами травница с радостью перепоручила мне, — сама в это время садилась у окна, откуда видны были и ворота во двор, и сарай.

Я спросила: к чему такие строгости?

Тин усмехнулась:

— А зачем, ты думаешь, в деревне, где своей ребятни полно, приютили маленькую девочку, «шлюхину дочь»? — резко замолчала и добавила: — Не бери в голову.

Но я задумалась... А через неделю попросила научить меня управляться с кинжалом так, чтоб саму себя не порезать. Тин умела, у нее нож в руках так и плясал. Та кивнула:

— Я покажу тебе пяток базовых упражнений и ударов, будешь делать с деревянной плашкой каждый раз после медитаций. Ясно? Как начнешь все повторять чисто да быстро, так дальше пойдём.

С деревянной? Ну, это легко! Только несерьезно как-то...

— Мири, не нож — оружие. Человек — оружие. Неумехе хоть меч, хоть арбалет, хоть оглоблю в руки дай — толку не будет. А мастер голыми руками убьет и не запыхается. Поняла?

Поразмыслив немного, я кивнула. Поняла.

— Тогда скажу кое-что еще: любишь ты угрозы выкрикивать. Оно понятно, пар-то хоть как-то выпустить надо. Да только отучайся так делать. Запомни: никогда не грози тем, что не в силах сделать. И что не готова сделать. А хочешь отомстить, сначала ударь, а потом уж выскажи, за что стукнула. Болван тот боец, который с противоположного конца улицы орет, что сейчас в глаз даст.

По вечерам я продолжала учиться грамоте. Медленно, со скрипом, дело шло на лад. Тин по-прежнему заставляла меня выводить буквы правой и левой рукой попеременно. Выходило странно, как два разных человека писали. Одна рука букочки выводила округлые, с наклоном

вправо. А другая — квадратненькие, и стояли они, как солдатики, прямо. Я ужасно гордилась, когда в первый раз смогла без ошибок написать свое имя — Тимиредис. И тут же захотела вышить его по подолу рубахи, которую носила, и на юбке. Тин меня осадила:

— И не рассказывай о себе всем встречным и поперечным. Ты уже поняла, что не все добрые. А если добрые, то часто не просто так.

— Тин, а ты почему добрая?

— Я не добрая, просто за мной должок по жизни есть. А ходить в долгах не люблю, дурное это дело. Вот тебе помогу, может, часть ноши и сброшу.

— А почему мне полное имя не надо говорить?

— Потому что оно необычное. Крестьяне или ремесленники такого дочерям не выдумывают. При этом ты ничего не знаешь о своей семье. И куда и почему плыла в пору осенних штормов твоя мать. Вспомни-ка, как осень назад Бровка-старший и Бровка-младший отцовское поле делили? А ведь они — братья.

Ну да, еще б такое забыть. Из-за того, где провести межу, два мужика друг другу сначала носы расквасили, а потом ноги переломали. А их жены одна другой все косы повыдрали. Скандал длился неделю и охватил всю деревню. А закончилось дело тем, что раскидывать по осени навоз и сеять озимые обоим Бровкам пришлось батраков нанимать — сами братья оказались на костылях. Душевная история.

— Ладно, Мири, хватит на сегодня болтовни. Сейчас спать ложись! Помнишь, завтра нам в лес идти силки проверять?

Я согласно кивнула. Мой закуток под лестницей стал воплощенной мечтой. Тин соорудила мне из струганных, без заноз, досок, короб. Низ набила сеном — свежим и без грубых стеблей. Поверх постелила тонкий тюфяк с шерстью, чтобы ровнее было и сено не кололось. Имелась настоящая подушка с перьями и не очень большое, но тоже настоящее лоскутное одеяло. В изголовье Тин повесила несколько мешочков с душистыми травами. Спать мне полагалось в длинной, почти до пят, рубахе и все в тех же опостылевших перчатках. Я уже не протестовала — сама видела, что прок был, — грубые мозоли с ладоней сошли, трещины и цыпки зажили, опухшие суставы пальцев стали нормальными. Вдобавок из-за того что лекарственную смесь Тин то ли случайно, то ли нарочно сделала жутко горькой, мне пришлось бросить застарелую привычку грызть ногти. Попробуй-ка сунь палец в рот, если лизнешь — и уже челюсти сводит и плевать хочется! Ногтям мое невнимание пошло на пользу. Тин сама аккуратно стригла их маленькими, с серебряными ручками, ножницами, которые хранила в деревянном ларце.

Однажды вечером она дала мне померить мамино золотое кольцо, которое свободно наделось на средний палец. Я покрутила перед носом рукой — будто и не моя вовсе!

— Нравится? Вот так! — засмеялась Тин.

Я в ответ влезла к ней на колени и поцеловала. С какого-то момента между нами завелись такие телячьи нежности. То она клала мне руку на голову и легонько гладила по волосам, то я прижималась к ней. А иногда мы без повода начинали смеяться. Так раньше у меня ни с кем не было. Я ужасно любила Тин.

Вот и сейчас я забралась в свою кровать, повозилась, устраиваясь. От печки шло ровное мягкое тепло. Вытянула ноги, потом повернулась на бок. Хорошо-то как!

Я жила у Тин уже третий год. Подросла на ладонь^[3], слегка отъелась. На ребристом рельефе между шеей и животом, который Тин прежде звала шутливо «стиральная доска, а сверху два соска», появились две небольшие выпуклости. И пришли женские недомогания. Вот без последнего счастья я бы точно прожила!

Единственным утешением стало то, что всё произошло по слову Тин, — однажды, медитируя с закрытыми глазами, я увидела поверх знакомой темной снежной равнины серебристый отблеск, будто легкую туманную дымку. Сначала удивилась, а потом поняла, что это и есть те реки силы, о которых говорила Тин. Тем вечером я в первый раз зажгла свечу без огнива.

Тин меня похвалила и подарила купленный в Сухой Сохе кинжал с красивым куском старой бирюзы в рукояти. И велела тренироваться больше. И понеслось: я зажигала и гасила свечи, отпирала и запирала замки, научилась делать маленьких светлячков безо всяких лучин или свечей. Тин кивала. Но предупредила, чтобы я была осторожна — тренироваться не значит надорваться! Пожадничаю — могу потерять всё.

А еще она преподнесла мне сшитые ею лично две пары порток. С кривоватой красной вышивкой у пояса.

— Знаю твое отношение к парням. Да и беречь тебе пока себя надо. Вот, поставила я тут проклятую печать, насколько сил хватило.

— Проклятую печать? Тин, а это что?

— А какой мужик без твоего согласия шнурок развяжет или по-другому снимет, тот силы лишится. Думаю, на неделю или около того...

Я округлила глаза. Вот это да! Здорово-то как!

— Тин, а меня научи? Я тоже так хочу!

— Хорошо, научу. Но помни — это не игра. Пообещай, что просто шутить ты так не станешь. Это — только для защиты. И еще — всё равно всегда будь очень осторожной. Ты понимаешь, что, если парней будет двое, печать тебя не спасет?

Эх-х... жаль.

— Я слышала, что бывают магические щиты, которые защищают тело. Но я так не умею. Это тебе другого учителя надо искать.

Не хочу другого. Лучше Тин нет никого!

Тин протянула руку и взъерошила мне волосы надо лбом:

— Не бери пока в голову! Давай-ка на запруду сходим, искупаемся. Да и плаваешь ты пока неважно, а научиться надо бы — мало ли что? А потом раков половим.

Я облизнулась. Раки — вкусные!

Как мне казалось, кормила меня Тин на убой. Картошки, хлеба, пшенной или тыквенной каши было вдоволь. С маслом или кленовым сиропом. Не реже двух раз в неделю настоящая яичница, каждый день — козье молоко и утром каша на молоке, пару раз в неделю какая-нибудь мелкая лесная дичь — или жаркое, или похлебка. А еще были верши и ловушки для раков на бегущей с гор к югу от нашего дома речке Несте. Деревенские сюда не ходили — час в одну сторону, полтора обратно — больно далеко. Да и зачем, если рядом с Зеленой Благоденью текла речка покрупнее нашей, звавшаяся Потавой? Тоже и с раками, и с рыбой.

Да и одевалась я не так, как раньше. Вслед за валенками у меня появились настоящие полусапожки на жесткой кожаной подметке. Сверху они затягивались на плетеный кожаный шнурок, как на кошелях. А на ноги полагалось надевать еще и носки. И менять и стирать их каждый день. А ступни тоже зачем-то надо было мыть. Тин смеялась, видя мое недовольство.

— Твоё счастье, что ты лёгенькой крохой была. А то б имела к пятнадцати годам не ноги, а растоптанные лошадиные копыта! Да и сейчас, гляди, как у тебя пальцы в разные стороны торчат! А чтоб потом туфли носить, они должны плотно лежать, один к одному.

Я хлопала глазами — какие туфли? Зачем мне туфли?

Роскошную обувь дополнили плотные штаны, туника, как у охотников, и толстый суконный плащ с капюшоном. На поясе я носила кошель с нужной мелочовкой и подаренный мне кинжал. Обращаться с ним я уже умела — могла и метнуть на десяток локтей, и от нападения прикрыться, и кролика освежевать. И как правильно точить, знала.

Когда оделась в первый раз, Тин покачала головой:

— Мири, если б не волосы да ресницы, тебя б за мальчишку можно бы было принять.

Выглядеть мальчиком меня устраивало. Интересно было бы посмотреть на себя со стороны. Вот только большого зеркала у нас не было. А в речке или в бочке фиг чего рассмотришь.

— Тин, я хочу волосы остричь!

— Не вздумай! Стригут больных лихорадкой да неверных жен! В какую категорию хочешь записаться?

Ой, ни в какую... Но коса тоже надоела. Болтается без толку, нафиг нужна, сама не знаю.

— Мири! Кончай свои фиги по всякому случаю поминать! А то ведь ляпнешь, где не надо! А волосы я тебя подбирать научу. Все, что нужно — хорошая лента в два пальца шириной. Если возьмешь черную или синюю, так с такой и парень ходить может. А к твоим каштановым волосам любой цвет пойдет! Вот, давай покажу просто с полоской ткани.

Тин ловко замотала вокруг полоски концы своих распущенных черных кудрей, натянула ленту и, вертя её пальцами, стала накручивать волосы, поднимая их выше и выше.

— Со спины смотри! — скомандовала она.

А что со спины? Волосы, ровненько так, подворачивались и подворачивались, укорачивались и укорачивались. А потом Тин подняла ленту так, что та прилегла к затылку, и завязала хитрым узлом на темечке.

— Вот так! — и повернулась в профиль.

Ух ты! Черной гривы как и не было. Выглядит, как прилизанная короткая стрижка. На мужика все равно не похожа, потому как лицо тонкое и кадыка нет. Но по прическе и не баба...

— Сейчас узел покажу. Научись завязывать, не глядя, хоть на спинке стула. Потом на голове без накрученных волос. А как наловчишься — тренируйся. Челку я тебе выстричь могу... тогда и впрямь за пацана сойдешь.

Вопроса, как прятать грудь, не возникало. По отсутствию той самой груди. Вместо пышных булок, что так ценили деревенские, у меня имелись два тощих плоских блина на снятом молоке. Тин даже расстраивалась и утешала меня, говоря, что у моей мамы все было очень красивым, а значит, и у меня со временем появится.

Красивым, да... И что ей это принесло?

Однажды Тин дала мне в руки большое железное кольцо. Размером с браслет, но грубое. К таким у коновязей поводья привязывают.

— Вот, зачаруй-ка.

— А как? И зачем?

— Да постарайся вложить в него столько себя, сколько сможешь. Посмотри на реки силы, потом зачерпни, чем больше — тем лучше, пропусти через солнечное сплетение и помести в кольцо. Поняла?

Если честно, то не очень. Но попробую. А для чего?

— Лучше металла держат магические метки только драгоценные камни. Но их у нас, сама знаешь, нет. А кольцо, если сделаешь все, как надо, и через двадцать лет найти сможешь. Хочу я с тобой вместе в Похоронную лощину сходить. Отыщем могилу твоей матери и пометим. Чтобы ты всегда ее разыскать потом смогла. Ясно?

Я хотела, очень хотела побывать там. Пока жила у дядьки Сибира, каждый месяц умудрялась выкроить хоть полчаса и сбегать к могилам. Какая мамина — не знала. Но темный распадок с рядами кривоватых осин и торчащими вешками был единственным местом, где я пыталась что-то рассказать о себе, пожаловаться и найти сочувствие.

В кольцо я вложила, сколько смогла. Думала о том, как хотела бы увидеть маму, встретиться с ней, рассказать, как мне сейчас хорошо живется. Про то, что стану великим магом и буду сильнее всех. Потом почувствовала, что очень устала, уронила голову на стол и уснула. Растолкала меня Тин ближе к вечеру.

— Мири, ну-ка дай кольцо! Хорошо. А теперь закрой глаза и говори мне, где оно.

Я его чувствовала. Справа, слева, сзади, над головой. Поняла, когда Тин вынесла его на улицу, а потом вернулась и спрятала на печке.

— Хорошо. Запомни его зов. Кстати, как отдохнешь, пометь свой кинжал — а то помнишь, как ты его в сарае в сено уронила и полдня копалась, искала? А завтра ходим в лощину. Думаю, по остаточной ауре правильную могилу я найду. А ты мне поможешь.

Деревню мы обошли лесом, по большой дуге. Тин сказала, что соваться мне туда все же не следует. Что есть такие, кто смотрит на меня не как на человека, а как на добычу, которую в последний момент вырвали из рук. Я сейчас подросла и похорошела, одета не хуже сыновей Хрунича — так что незачем гусей дразнить. Пока шли, я узнала, что с Палашей все сбылось по слову Тин. Еще год назад та вышла замуж за справного парня в дальнюю деревню. Интересно, хорошо ей там живется? Тин не знала — этот вопрос её как-то не занимал.

Правильную могилу мы нашли легко — меня просто потянуло к одному из холмиков на самом краю кладбища. И Тин подтвердила — да, судя по ауре, это мама. Имени которой я так и не узнала. Я сама зарыла под вешкой железное кольцо. Потом присела и долго рассказывала про то, что случилось с тех пор, как я встретила в лесу Тин. Казалось, меня слышат. И, наконец, достала из кошелька заранее приготовленный замшевый мешочек и нагребла в него земли. Пусть будет.

Тин кивнула.

Снова стояло лето. Мы уходили из дома на целый день, бродя по косогорам и еловым лесам. Добирались аж до отрогов Восточных гор. Тин сказала, что прежде так далеко никогда сама не забредала. Но с моим умением ладить со зверьми можно было странствовать

по самым глухим местам, не опасаясь пропасть или того, что через годик случайные охотники наткнутся на обглоданные косточки, да черепашку в придачу. Правда, использовать свой Дар для охоты представлялось мне нечестным. Вот подстрелить из лука неосторожного кролика или наловить руками в ручье форели, а потом пожарить у костра — это правильно!

В этот раз нам повезло — с теневой стороны крутого горного отрога мы наткнулись на низинку, где нашли аж два десятка редких и дорогих кустиков царь-корня. Несколько совсем мелких решили не трогать, пусть подрастут да семена дадут, но больше дюжины светлых перекрученных колбасок корешков покрупнее перекочевало в нашу сумку. Тин сказала, что теперь в сентябре, по осени, есть повод съездить на ярмарку в город Рианг, лежащий к западу от Сухой Сохи. Точнее, продать-то корни можно и в Сохе, да только растение это редкое и дорогое, а цена в Сохе будет в три раза ниже.

Вечером устроились на тесной полянке меж огромных елей. Костер разводить не стали — и без него не холодно. Нарубили еловых лап, котомку с драгоценными корнями повесили повыше на обломок сука, а мешки с вещами подложили под головы. Легли, как обычно, рядом. Тин смеялась, что грелка из меня пока никакая — наоборот, о мои локти да колени синяков насажать можно. Но я понимала — она не всерьез и не со зла. Потому что потом она притягивала меня теплой рукой под мягкий бок, гладила по голове, а если было настроение, еще и рассказывала что-нибудь дивное. Например, про живущих на краю света в золотых чертогах бессмертных эльфов, которые скачут по лесам на пышногривых тонконогих скакунах, трубя в охотничьи рога. Или про белокаменный замок Тивалон, куда по осени съезжаются со всего государства барды с лютнями и поют замечательные песни. Я тоже знала несколько песен. Слышала на свадьбе и в шинке. Но когда попробовала их исполнить, чтобы порадовать Тин, та посоветовала вдуматься в слова. И больше их никогда не петь.

Закончилось тем, что, видя мою тягу к вокалу, Тин разучила со мной красивую балладу с переливчатой, как вода на перекате, мелодией, где рассказывалось об эльфийской деве, которая потеряла возлюбленного и так плакала, что сама превратилась в белогривый ручей. Слова были грустные, но музыка до того хороша, что я бесконечно мурлыкала ее под нос, возюкая пестиком в деревянной ступке или перебирая собранные травы.

Правда, страдания девы были решительно непостижны моему уму. Ну пропал — и слава Богине! Плясать надо, а не плакать! Да и зачем она в него вообще влюбилась? Я тщательно перебрала слова песни, но причин тоски эльфийки так и не поняла — не было в том парне ничего хорошего, кроме заковыристого имечка Фариндир!

Наутро мы отправились дальше. Весь день карабкались в гору, а к вечеру я в первый раз оказалась на каменистом лугу с удивительным, незнакомым мне разнотравьем. С обрыва вековой еловый бор, из которого мы вышли на рассвете, казался игрушечным. И горы на запад от нас были ниже, чем то место, где мы сейчас стояли. Я смотрела на мир с высоты птичьего полета, и это мне ужасно, необыкновенно нравилось!

— Слушай внимательно, Мири! От меня ни на шаг! Здесь уже горы, и всякое встретить можно. Ты привыкла, что звери тебя не трогают. Но то — звери. А бывают — твари. Каменные горгульи, тролли. И это не сказка. Тут их быть не должно. Но всякое может произойти. Так что держись ко мне ближе, а если что случится, по моему слову беги вниз! Не оглядываясь! Сейчас найдем расщелину поуже, где переночевать можно. Утром пособираем травы, а к обеду начнем спуск с горы. И еще — не шуми. Вслух только необходимое и шепотом, и никаких песен!

После таких наставлений у меня вся радость пропала. Просторный и светлый луг стал казаться незащищенно-неуютным. Я жалась к Тин и озиралась по сторонам. Когда вдалеке загромыхал камнепад, подскочила на два локтя вверх и сунула в рот кулак, чтоб не завизжать.

Расщелина нашлась быстро. Глубиной локтей в восемь-десять, с каменной крошкой на полу и сходящимися домиком серыми шершавыми стенами. Тин осмотрела ее, хмыкнула, что это как раз то, что надо. Предложила мне сложить котомки в дальнем углу и пойти посмотреть, что тут растет. Тин рассчитывала найти снежноцвет — очень редкий цветок, листья и стебель которого были не зелеными, а словно вырезанными из голубоватого бархата. Ценился он на вес золота, а видела его я только на картинках.

Мы бродили по лугу, Тин смотрела под ноги, а я озиралась по сторонам. Почему здесь нет птиц? Неужели им тут клевать нечего? Странно... И из привычных лесных звуков присутствует только один — свист ветра. Неуютно.

Тин обнаружила целую куртинку целебных горных фиалок. И почти сразу вслед за этим поросль ведьминых куличиков, которые помогали от кровотечений и бесплодия. Я тоже расслабилась и стала рассматривать разнотравье вокруг. Свет постепенно становился красноватым, солнце клонилось к лесу...

— Мири, хватит, через час уже закат. Пошли прятаться. Завтра еще поищем.

Эх, а мне показалось, что я заприметила впереди на склоне что-то голубенькое... вдруг это тот самый снежноцвет? Но спорить с Тин я не собиралась — ей виднее.

Втиснулись в расщелину и, расстелив один плащ на земле, уселись на нем спинами к стене. Вторым прикрылись до шеи и, насколько хватило, замотали плечи.

— На, попей. Много не наливайся... в туалет ходить до утра некуда, да и флягу я только одну с собой взяла.

Я хлебнула пару глотков. Ничего, потерплю. Но болтать нельзя, петь тоже... а что делать? Похлопала глазами на кусочек неба меж камней. Краснеет... но так медленно. А до утра вообще не дотерпишь. И страшно почему-то. Может, помедитировать? Закрыла глаза и уплыла на свою ледяную равнину, залитую лунным светом. Хорошо — чисто, спокойно, ясно на душе...

Проснулась рывком, оттого что снаружи кто-то громко завизжал. Дернулась было, но рука Тин зажала мне рот. Я поняла — надо молчать.

Шаги. Тяжелые. Такие, что сверху каменная пыль сыплется. Потом отдельные «буммм, буммм» перешли в слитный топот. Раздался грохот. Кто-то снова завизжал. Мама, да что ж там творится? Тин потянула край плаща вверх, накрывая нас обоих с головой. Я услышала шепот:

— Молчи и не двигайся!

Да куда ж двигаться? Меня от страха парализовало. Ужас был таким, что я сунула в рот пальцы, чтобы не стучали зубы. Тин прижала меня рукой теснее к боку и чуть слышно произнесла:

— Сюда никому не протиснуться. Спи.

Ага, хорошо сказать — спи! Воображение рисовало такие картины, что впору было орать в голос от ужаса, а не спать. И потом — сейчас я сижу тихо, рот зажала, почти не дышу. А засну? Вдруг я закричу во сне? Или захраплю? А меня услышат?! Нет уж, лучше я так посижу.

Не знаю, с кем дрался тот, кто грохотал. И как они выглядели. Но когда снаружи уже

забрел серый рассвет, нас нашли. Шаги раздались почти рядом, а потом в расщелину, на высоте пяти локтей просунулась серая страшная когтистая лапища. И заскребла по камню. Я прикусила кулак. Тин молча прижала меня теснее.

Я тряслась у нее под мышкой и уговаривала себя, что лап длиной в десять локтей не бывает! А значит, нас не достанут. Надо только подождать, пока наступит день. А это уже скоро, совсем скоро...

День наступил. Небо из серого стало бледно-голубым, а потом ярко-синим... но лапа продолжала скрежетать по камню когтями в ладонь длиной. Тин вздохнула и протянула мне флягу:

— Один глоток.

Я кивнула. А что тут скажешь? Мы обняли друг друга и стали ждать непонятно чего. Упорная тварь продолжала скрести наше убежище изнутри, пытаясь доцарапать до нас. В какой-то момент монстр исчез... и тут же вместо лапы в расщелину попыталась всунуться несообразно маленькая уродливая голова на широченных каменных плечах. Я вытаращила глаза — ничего безобразнее этой башки я в жизни не видела! — похожа на шершавый бородавчатый серый валун в обхват размером, скошенный лоб, глаза — дыры с красными угольями внутри, носа нет вовсе, а поперек валуна — скрежещущая щель рта. Жуть какая! Кто ж это?

— Троль это каменный... Мири, пока он пытается влезть, давай быстро! Как свечу поджигаешь — ты правый глаз, я левый! Сосредоточься, и делаем вместе!

Вместе? Для Тин? Я всегда хотела быть полезной, сильной, защищать ее — и вот случай! Зажмурилась, зовя снег и серебряные реки. И, найдя их, распахнула глаза и уставилась в правый глаз тролля, представляя там фитиль и повторяя магическое «пирандис шхфтарт ориатэ риз!». А потом, вложив все свое желание, сбросила с плеч одеяло и сложила пальцы в жесте активации. Тин закончила заклинание одновременно со мной, наверное, специально так подгадала.

Троль заревел. Жутко. С потолка снова посыпалась каменная крошка. Голова убралась, на миг освободив проем, и, не успели мы вздохнуть, как каменная туша с размаху впечаталась в устье расселины. Скалы содрогнулись. Троль отступил и кинулся опять. Кажется, неудачи его не смущали. Грохот стоял такой, что я не могла думать, только клацала с перепугу зубами. Стены тряслись. А он бил снова и снова, еще и еще... Кажется, мы сделали что-то совсем не то...

— Тин?

— Мири? Живая?

— Тин... а если снова в глаз, но светлячок? И к голове привязать? Может, он ослепнет?

— Хорошо. Твой снова правый. Давай сейчас!

«Сейчас» не получилось. Надо было видеть голову — а она на месте не стояла. И появлялась лишь на несколько мгновений, когда монстр с разбегу налетал на нашу скалу. У входа начали осыпаться куски. Если так пойдет дальше — либо он нас достанет, либо обрушит стены, завалив обломками

Я попробовала сосредоточиться — не выходит. Совсем-совсем! Замотала головой... Тин как будто поняла и протянула руки, затыкая мне уши. Сразу стало тише и легче. Снег, снег... ну где ты? Зажмурилась, потянулась изо всех сил... кажется, смогу! Оттолкнула руками ладони Тин. Кивнула, мол, все в порядке. Подняла руку, чтобы сделать жест активации. Тин

тоже подняла свою, а второй поймала мою ладонь. И, когда в очередной раз башка каменной твари впечаталась в проем расщелины, сжала пальцы: «Давай!!!»

Мы вместе взмахнули руками, сгибая и выворачивая пальцы. На голове тролля вместо глаз расцвели заметные даже при дневном свете два огонька. Справа бледноватый зелёный — мой. И слева — ярко-желтый, размером с кулак — Тин. От изумления я открыла рот и чуть не потеряла концентрацию.

— Держи! — Тин сжала мне руку до боли. — Не отпускай!

Троль заревел снова. Потом отступил, разбежался... и долбанулся в утес слева от входа в убежище. Промазал!

— Кому сказала, Мири, держи!

Встав на четвереньки, а потом поднявшись на корточки, Тин собирала в одну охапку наши торбы и плащи. Я начала помогать.

— Икры разомни! Сейчас, пока он не видит, побежим!

Стараясь держать в голове связь с моим огоньком, кивнула. Попробовала встать. Ноги негнулись — отсидела за ночь. В икрах сильно кололо...

Троль снова бухнулся об стену где-то в стороне от нашей расщелины.

— Слушай! Как стукнется снова — бегом к обрыву. И вниз — в лес он за нами не пойдет. Поняла? На меня не оглядывайся. Если отстану — убегай сама!

Я кивнула, думая, что нипочем ее не брошу.

— Мири, не будь душой! Если что — я выкручусь! А начну тебя спасать — обе погибнем! Поняла?! — и дернула меня за руку, поднимая на ноги. А потом, прижимая одной рукой к груди вещи, потянула к выходу.

Ноги негнулись. Страшно-то как... я тихонько завывала под нос.

Скалы содрогнулись от удара где-то слева.

— Вперед!

Тин рванула к обрыву на другой стороне луга, утягивая меня за собой. Первую пару шагов я чуть не по воздуху за ней пролетела, а потом сама помчалась к кромке откоса, понимая, что бегу от смерти. Тин неслась рядом. Сзади донесся еще один мощный «бухх!».

Ширина луга в этом месте была локтей сто пятьдесят. Совсем и не много, если гулять. Но сейчас, когда мы летели сломя голову, не разбирая дороги, спотыкаясь на камнях под ногами, эта дистанция казалась бесконечной. Сердце колотилось в горле, колени подгибались от леденящего страха, дыхание хрипом вырывалось через рот. Я переставляла ноги как могла быстро и жутко боялась, что сейчас споткнусь, упаду и уже не встану...

Каждый следующий удар тролля о скалы подхлестывал, придавая сил. Внезапно ритмичные бубухи пропали, и эта нежданная тишина была страшнее всего, что было раньше. А потом за спиной послышался тяжелый топот — он нас догонял. Мы пробежали почти две трети, казалось, цель уже недалеко... но монстр гигантскими шагами мчался следом. Тин бросила за спину отчаянный взгляд. Я поняла — нам не уйти.

— Брошу тебя, лежи! Мири, давай! — Тин резко, как мне показалось, почти под самым занесенным кулаком горной твари дернула меня вправо, а потом, раскрутив, кинула дальше, в траву. А сама с громкими воплями помчалась прямо вперед, к обрыву. Когда я подняла голову, они были уже далеко — моя наставница и тянущий к ней лапу, настигающий Тин горный гигант. А потом Тин метнулась вперед, за кромку обрыва, и тролль за ней. Послышался грохот камнепада... и все стихло. Луг снова стал пустым.

Наступила тишина.

Я, пошатываясь, поднялась на четвереньки и поползла к тому месту, откуда упала Тин. Мельком разглядела у коленки несколько серебристо-голубоватых цветочков высотой в ладонь — к чему мне они? Проползла мимо кома брошенного плаща, смогла, наконец, встать и, пошатываясь, дойти до края. То, что все это время я была на одной ноте, поняла только тогда, когда услышала голос Тин:

— Мири! Цела? Хорошо. Помоги мне вылезти, сама я не смогу.

Это привычное спокойное «хорошо» вывело меня из ступора, того безнадежного глухого отчаянья, когда любые действия и сама жизнь кажутся потерявшими смысл. Захлопнув рот, я распахнула глаза и повернула голову на голос. Она была там! На узеньком карнизе в четырех локтях справа под обрывом, вцепившаяся в кривую низкорослую сосенку. А тролля не было! Только какие-то обломки неправильной, режущей глаз формы, внизу, на скалах.

— Мири! Мне долго тут не простоять. Давай или край плаща мне кинь, или найди котомку и достань веревку. Только сделай это быстро, как можешь, — у меня руки устали.

Я не нашла ничего лучше, как тут же, не сходя с места, стянуть с себя штаны. Ткань была плотной, край простой, должно выдержать. Обмотала одну штанину вокруг кистей рук, а вторую бросила вниз, где в нее вцепилась Тин. По ее команде сначала я просто держала штаны натянутыми, давая ей возможность развернуться и подыскать хоть какую-то опору для ног, а потом села на землю и, упираясь пятками, начала задом наперед отползать от обрыва.

Сначала показались стиснутые до синевы пальцы Тин, потом голова, и, наконец, сестра перевалилась через край и, нелепо брыкаясь, выползла на ровное место. Потянула на себя мои портки и сообщила:

— Воняет! Но все равно спасибо, молодец!

Я посмотрела на темное пятно в том месте, где сходились две штанины. Неужели я обмочилась со страху? И даже не заметила. Стыдно-то как...

Тин подмигнула.

— Не тушуйся. Все хорошо! Молодец, что до самого конца смогла поддерживать огонек. Если б тролль меня увидел — поймал бы. А так я вбок прыгнула и за сосну уцепилась, а он мимо просвистел. Но давай одевайся — отстираешься потом. И собираемся. Где один, там и два.

— Тин, а я снежноцвет нашла...

— Что-о?! Когда успела-то? Показывай!

Через десять минут, подобрав плащи и котомки и выкопав драгоценные кустики, мы начали спуск вниз. Тин молчала, только время от времени протягивала руку, чтобы подстраховать меня на самых крутых местах. Я тоже не раскрывала рот. Со вчерашнего дня случилось столько всего, что в голове не укладывалось. Но главное — Тин спасла меня, а я смогла помочь ей! А остальное можно обдумать потом, когда окажемся в безопасности.

Когда добрались до леса, Тин притормозила, порылась в котомке, вынула краюху хлеба и сунула мне в руки:

— Ешь, а то упадешь! — а потом отпила из фляги и протянула её мне. Я вцепилась в посудину и жадно забулькала.

Чесали мы так, что к вечеру злополучная гора скрылась из виду. Привал Тин устроила на берегу небольшой лесной речушки. Устало присела на выступающий из земли корень огромного вяза.

— Иди, вымойся и штаны постирай. Только с глаз никуда не пропадай!

Да я и сама б от нее дальше, чем на десять локтей, ни за что сейчас не отошла.

Спать мы легли в тесной промоине под корнями, в обнимку. Только заснуть вот никак не удавалось.

— Тин, а с кем он ночью дрался?

— Не знаю. И, если честно, и знать не хочу. Но зато теперь понимаю, почему снежноцвет таких бешеных денег стоит!

На следующий день к обеду мы вышли из леса на край равнины, к заимке севернее Перекатов. Забрав наших Белочку и Снежинку со двора присматривавшей за ними Франьки, отправились домой. Кстати, Белочкой козу назвали не за веселый нрав, а за то, что эта зараза, как белка, лазила по деревьям. С нашей единственной яблони она лихо перепрыгивала на покрытую дерном крышу сарая, где и паслась, и отдыхала. У Снежинки таких заскоков не было, эта просто упорно пёрла в огород, выскивая в плетне дыры, куда бы ни протиснулась и кошка, и расширяя их до своих упитанных габаритов.

По дороге мы разговаривали, но тему тролля и того, что произошло на горном лугу, дружно обходили стороной.

Но, вообще, из происшествия с троллем я сделала один вывод — нас спасла магия. И это пока моя единственная защита. А значит, надо стараться выучить больше и делать это лучше.

Открыв дверь, устало бросили мешки на лавку.

— Мири, давай, я свежей воды принесу, а ты сбегай в сарай, куриные яйца собери, да зерна в кормушку подсыпь — а то куры совсем одичают, со двора разбегутся. Коз пусть пастишь, подоишь на ночь глядя.

В привычных хлопотах закончился день. Мы разобрали принесенные растения, корни царь-травы обернули в чистые тряпочки и спрятали в ящик с чуть влажным песком в холодном подполе. Так, по словам Тин, они могли храниться хоть целый год. Снежноцвет Тин решила большей частью высушить, а из трех цветков видом потоварнее сделать настойку на спирту в прозрачной стеклянной бутылке. Корешки драгоценного цветка мы с ней вдвоем прикопали на песчаном солнечном пригорке в огороде, хорошо полили и притенили натянутой на колышки тряпочкой — вдруг да примутся?

Вечером, поужинав гречневой кашей с яичницей и зеленым луком, заперли дверь. После этого Тин обняла меня за плечи и повела не на лавку, а к моей кровати, за печку. Мы сели рядом. Тепло, уютно, мягко, безопасно. И тут меня затрясло. Зубы застучали, сначала я стала всхлипывать, а потом завыла и зарыдала в голос. Тин притянула меня на грудь:

— Ну, Мири, не надо. Все уже позади... Но давай-ка поговорим. Мне очень понравилось, как ты держалась. Ты ж нас обеих спасла.

Я? Спасла? Да я перепугалась до смерти, даже вот штаны стирать пришлось. Позорище-то какое! О чем она? От удивления даже перестала зубами клацать.

— Мири, ты сообразила, как ослепить тролля. Он чуял нас, но не мог разглядеть вход в нашу расщелину. А потом ты сохранила контроль за своим светлячком до самого конца, даже когда упала, — и тролль так и не увидел пропасти впереди. Поняла?

Поцеловала меня в лоб и улыбнулась:

— А вот я — дура. Понесло меня в горы, раритеты искать. Сама чуть не погибла, и тебя едва не погубила. И ведь думала, что тут никого, кроме медведей да барсов, и нет! Про троллей в этих местах ни разу не слышала. Кстати, завтра надо сходить в Благодень, Хрунича предупредить. Негоже, если кто в горы на промысел пойдет, да там и сгинет. А еще, хоть и говорят, что горные твари с вершин не спускаются, но кто знает? Видишь, как у нас с тобой вышло?

Я слушала внимательно. Дрожь почти прошла, а вот говорила сейчас Тин со мной

совсем как со взрослой. Значит, надо слушать.

— И, Мири, намотай на ус — магию свою пока никому не показывай!

— Почему? Вот если Елька или кто еще ползет, я им штаны подпалю!

— А что случится потом, подумала? Сейчас о тебе почти не вспоминают. А тогда начнут бояться. А то, чего боишься, всегда ненавидишь. Убережет тебя магия от стрелы? Или от камня, брошенного в спину? А если обвинят, что ты — колдунья, так всей деревней могут прийти и прямо в избе сжечь. Так что даже и не шути!

— Выходит, я должна скрываться и бояться, да?

— Рысь — сильный хищник. А часто в лесу на глаза попадается? — вопросом на вопрос ответила Тин. — И ты правильно решила — тебе надо учиться. — Высвободив руки, поднялась с моей кровати. — Давай вернемся к этой теме осенью, как в город пойдем. А сейчас спать ложись. И я пойду — устала.

Тин ушла к себе в горницу, но дверь между комнатами закрывать не стала. Я улеглась на спину и вытянула гудящие ноги — к горам мы шли почти четыре дня, а обратно прочесали за полтора. Бежали, как на пожар! Точнее, как от пожара. И задумалась. И над тем, что случилось, и над тем, что сказала Тин.

Я испугалась. До потери соображения и мокрых штанов. Но как-то сумела сделать то, чего хотела от меня Тин, — два раза сотворить волшебство и удерживать контроль над своим заклинанием, сколько нужно. Выходит, что я сильнее, чем всегда о себе думала. Точнее, не так. Не сильнее, а могу больше выдержать. И ещё — после вчерашнего страха ни Елька, ни другой какой урод больше меня не напугают. Я видела страшнее.

Но это не отменяло того, о чем не уставала повторять мне Тин — надо соблюдать осторожность. И получалось, что защищаться я не могу. Покрутила эту мысль и так, и эдак. И решила: постараюсь не попадаться, но, если уж попадусь, буду драться как и чем получится. Потому что, если позволю сделать с собой то, что сотворили с моей мамой, все остальное будет уже неважно. А с завтрашнего дня непременно начну больше заниматься магией.

На том и заснула.

Утром, после того, как я подоила коз и протопила печь, Тин велела собираться — пойдем в деревню, расскажем про то, что видели тролля. Про то, как мы от него убегали и сбросили на скалы, травница велела не говорить — решат, что или врем, или станут выяснять подробности. А про колдовство поминать ни к чему.

Я подобрала волосы, как учила Тин, надела рубаху со штанами, а сверху бесформенную душегрейку с карманами. Небо хмурилось, так что одежда была по погоде — не жарко, не холодно. С собой взяли корзину с яйцами — решили поменять их на коровье масло.

Сама я в Зеленую Благодень возвращаться не рвалась — ничего меня к этому месту не привязывало. За время, пока жила у Тин, я пересмотрела своё мнение о Сибири с Фариной. Они всю жизнь внушали мне, что подобрал — ошастливили. Что я — подзаборное отродье, которое должно быть по гроб благодарно и за то, что его приютили, и за воспитание с прокормом — то есть за непосильный труд с четырех утра до часу ночи, бесконечные побои и ругань, сношенное тряпье и корку хлеба с кружкой воды. Да, меня не убили. Но обращались хуже, чем с любой собакой. Сейчас я это уже понимала достаточно ясно. Зла я не держала... но стойкая неприязнь была.

Тин постучалась в дом Хрунича, лязгнул засов, дверь отворилась.

— Мири, подожди меня тут.

Жаль, а я хотела взглянуть на старостин штурвал. После чтения книги о войне с викингами я знала, как правильно называется эта штука. Такой красивый! Вздохнула, оперлась на перила крыльца и стала ждать, глядя, как вокруг мальвы у плетня кружит пара пестрых бабочек.

— Парень, ты чей?

— Аа-а? — оглянулась и чуть не уткнулась в Елькину веснушчатую физиономию.

— Чего-о?! — Елька захлопал глазами, потом хлопнул себя по бокам руками и захохотал. — Дык ты не парень! Гляди-ка, шлюхина дочка привалила!

Я стиснула зубы. Тин просила меня не ввязываться в склоки и на подколки не отвечать. Но было ужасно, невероятно, невыносимо обидно и больно. Я ж никогда не делала ничего плохого! И он не видел меня больше года. И вот, встретил и опять изгаляется!

— Пацаном вырядилась! Футы-нуты! А волосы обстригла, чтоб все видели, кто ты есть? — продолжал издеваться парень. — Дык мы и так знаем! Пошли за сарай — щаз я тебя обихожу, — протянул руку и схватил за плечо.

Отступив на шаг, стукнула по его запястью ребром ладони, как учила Тин. Посмотрела в глаза:

— Не тронь.

— А что сделаешь? Убьешь или ноги раздвинешь? — растопыренная лапа с грязными ногтями потянулась к моей груди. — Ну-ка, покажь, чего выросло! Да, а что у тебя за корзина? У кого сперла? — и, схватив за ручку, рванул к себе.

Я попробовала удержать лукошко, да только куда мне было против бугая на две головы меня выше! Накрытая салфеткой корзина накренилась и дернулась, три яйца вывалились через край и шлепнулись на крыльцо, разбившись. Вот урод! Жалко же! А сейчас остальные переколотит! А подрасться с ним — точно ни одного целого не останется!

— Тиий-ин!!! — завопила я в голос, сообразив, что делать.

Елька на секунду замер в испуге, потом нехорошо усмехнулся:

— Врешь, шлюхино отродье, нету тут твоей заступницы!

И снова рванул на себя корзину. Как раз вовремя, чтобы распахнувшая дверь Тирнари и Хрунича из-за её спины успели увидеть, что происходит. И как еще два яйца шлепнулись в желто-прозрачную лужу с битой скорлупой у моих ног.

— Так, ну-ка отпусти! — голосом Тин можно было дрова колоть. Как топором бухнула.

Хрунича сам отдал нам за яйца пару медяков. А потом уволок сына за ухо за сарай — обихаживать. Прихватив стоявший у крыльца дрын и по пути доходчиво объясняя, что сделает этим дрынком с дураком-отпрыском...

К сожалению, на том история не закончилась. На следующий день, когда я, взяв ведро, полезла по приставной лестнице на крышу сарая — доить Белочку, почувствовала — кто-то на меня смотрит. Просто дырку взглядом в спине вертит. Обернулась — никого. Только ветки кустов качнулись. Но знала, не померещилось.

Вечером Тин заговорила о том сама:

— Мири, сядь и послушай, надо нам что-то решать. Тебе скоро тринадцать, по здешним меркам ты почти взрослая. Надеюсь я, что, если поселишься у меня, всё со временем утрясется да рассосется. Но сейчас понимаю — тут жизни тебе не будет. Рано ли, поздно ли

— подкараулят. И либо снасильничают, либо ты кого убьешь, защищаясь. В любом случае жизнь сломают. Что сегодня за тобой трое парней весь день с опушки следили — знаешь?

Ой, трое? С тремя мне никак не сладить...

— Вот со двора без меня ни ногой! Я с Хруничем поговорю, но, боюсь, это не поможет. Мне-то он наобещает, чего хочешь... но защищать тебя не станет. Понимаешь?

Понимаю. Я для них — законная добыча. Замуж меня никто не позовет, на шлюхиных отродьях жениться не принято. Вот только что мне теперь делать? Это ж с ума сойти! Ни коз на выпас не отвести, ни самой в лес сбегать, ни на речку искупаться!

— Ну, не расстраивайся. Не все так плохо, — улыбнулась Тин. — Просто прими, что твоей судьбы тут нет. Сейчас уже август. В начале сентября мы с тобой пойдем в Рианг. Корни и травы продадим, ты на город посмотришь. А вообще, слышала я, что в больших городах для детей с магическими способностями школы есть. Учат там четыре-пять лет. Потом, если была усердной да способной, могут дать рекомендацию в Академию. А уж если её окончишь — станешь членом гильдии магов, да всю жизнь будешь как сыр в масле кататься.

Я уставилась на Тин во все глаза. Она меня прогоняет? Я не хочу уходить! Мне хорошо с ней! И никого другого у меня на этом свете нет!

— Мири, малышка, девочка моя! Так для тебя будет лучше! Я б и сама с тобой пошла, да не могу...

— Почему?

Тин тяжело вздохнула.

— Ладно, слушай. И хорошо запомни эту историю. Чтобы не повторять моих ошибок и никогда сплеча не рубить. Ты большая — понять должна. А не поймешь сейчас — просто запомни. Потом разберешься. Было это давно, мне тогда только двадцать стукнуло...

Двадцать? Давно? А сколько ж Тин сейчас? Выглядит она и сейчас на те же двадцать с маленьким хвостиком.

— Ну, спасибо тебе... Я ж слабенький, но всё же маг. Так слушай...

Оказалось, Тин когда-то жила в большом городе. И была и травницей, и лекарем, и магичила понемножку — гадала, потерянное искала, от краж зачаровывала, порчу снимала. И пришла к ней однажды молоденькая девушка в беде. Беленькая такая, худенькая, с глазами на пол-лица. Соблазнил эту Ани сын тамошнего градоначальника, а как она забеременела, сразу и пропал. Беременность пока и не видна была, вот Ани и просила помочь — плод выгнать. Она сама с одной матерью жила, да очень бедно.

А Тин решила добиться справедливости. Подумала, подумала... сварила приворотное зелье, на крови Ани замешанное, да и исхитрилась его сынку градоначальника подлить. Решила, что так правильно выйдет — пусть он на девушке женится, и все будут счастливы.

Да не тут-то было. Парень, и правда, снова к возлюбленной пришел. А потом к отцу, сказать, что жениться хочет. А тому такая невестка — нищая, худородная да брюхатая — даром была не нужна. У него на единственного отпрыска совсем другие планы имелись. Вот он сына по делам куда подальше усрал, а Ани с матерью велел из города убираться. Даже стражу послал, чтоб поторопить. А время зимнее было. Что там на дороге в лесу произошло — точно никто не знает. Потом сказали, мол, женщин волки загрызли. Сын вернулся, узнал, что случилось, и обезумел. Отец и так, и эдак... а уж не поправишь. Позвал настоящего мага. Тот приворот и углядел. Попробовал снять, да не вышло, Тин-то всю душу в заговор вложила, чтоб парень любил Ани крепко. Кончилось тем, что он совсем разум потерял, взял и

повесился. Стали искать — кто виноват. Ведь приворотные зелья в Империи строго-настрого запрещены. И нашли-таки. Тин удалось удрать в последний момент, а то б и казнить могли.

— Думаю, я до сих пор в розыске. Так что жить мне снова в большом городе не судьба. А ты запомни — не бывает простых решений, чтоб махнул не глядя, да всё вышло! Я вмешалась в чужие судьбы, надеялась, что лучше сделаю... а что получилось? Погубила двух женщин, ребенка, парня и себе жизнь сломала. Запомни эту историю и никогда не руби сплеча!

Вечером я долго не могла уснуть. Сначала удивлялась, что Тин вот так мне доверилась, — наверняка же деревенские понятия не имеют о ее проблемах. Затем размышляла о том, как все сложно. У волка своя правда, у зайца — своя. А как тогда жить и что делать? А потом пришла мысль: если волк станет думать, как заяц, то с голоду помрет. Но Тин... это казалось таким несправедливым! Ведь она хотела помочь! Может, виновата вовсе и не она, а тот градоначальник, что помешал сыну жениться на Ани? Ведь если бы он принял девушку, ничего бы и не случилось! Гм-м... А если б папа-волк принял женитьбу своего волчонка на зайчихе? Нет, запомню... но осмыслить пока не могу. Поняла одно — где есть неравенство, любви не место.

Начиная со следующего дня Тин потихоньку принялась мне рассказывать то, что знала об обычаях больших городов. Казалось, для нее вопрос отсылки меня в школу уже решен. Я послушно старалась запомнить и про то, как надо себя вести за столом, и про то, что не принято пялиться на прохожих, а если девушка пристально рассматривает встречного мужчину, это может быть принято за приглашение познакомиться. У Тин даже лексикон изменился. Она разом выкинула из речи все деревенские словечки и следила за тем, чтобы я не употребляла их тоже.

— Быть простушкой тебе ни к чему, это не поможет. Глазами не хлопай, лишнего о себе никому не рассказывай. Если тебе что-то предлагают просто так, прикинь, не ловушка ли это. Держись скромно, одевайся аккуратно. Слушай больше, чем говори. Смотри на других людей, запоминай, как ведут себя они. Но не подражай слепо, а то попадешь в глупое положение.

Я чувствовала, что у меня от этих наставлений голова кругом идет...

В послеобеденные жаркие часы, когда делать ничего не хотелось, Тин устроила мне новую муку — диктанты. Зачитывала отрывок из какой-нибудь книги, а я писала то, что слышала. Опять-таки попеременно правой и левой руками. Потом Тин проверяла, и каждое неправильно написанное слово заставляла переписывать правильно десять раз. Я выла, ныла, грызла перо... но моя учительница была непреклонна. Или я поступаю в школу, или оказываюсь на улице — выбор мой.

После диктанта я, по своему почину, садилась медитировать и магичить. Зажгла свечу — потушила. Зажгла — потушила. Один раз, когда у меня уже руки от пассов отваливались, произошло что-то странное — фитиль загорелся до того, как я сделала жест активации. Я захлопала глазами. Потом подумала, что, наверное, он тлел с прошлого раза, вот внезапно и вспыхнул. Взяла другую свечу, потерла фитиль пальцами, чтоб быть уверенной — не горит. И попробовала повторить то, что делала. Ничего не вышло. Я вздохнула с облегчением.

Но на следующий день фитиль снова загорелся, не успела я до конца произнести знакомое до оскомины на зубах заклинание. И тут ошибки быть уже не могло. Как же это? Задумалась: может, позвать Тин и спросить? А если опять не выйдет? Попробую сама...

Через час до меня дошло — свеча загорается, потому что я *хочу*, чтобы она загорелась.

То есть в момент произнесения магической формулы, когда я смотрю на фитиль и желаю изо всех сил, чтобы он вспыхнул, он может зажечься. Даже если произнесены не все слова.

А если вообще молчать и просто хотеть?

Ничего не вышло. А почему? Наверное, нужно все же не только желать, а добавить волшебства? Картина снежного покрова, мерцающего под голубой холодной луной, с текущими в пространстве серебристыми реками возникала в сознании уже почти автоматически. Потоки магии раз от разу менялись — Тин объяснила, что это зависит от того места, где я нахожусь, ведь они реальны и в разных местах неодинаковы. Просто никто, кроме магов, не может их видеть.

В центре поляны, там, где серебристый, мерцающий, как звездная пыль, ручей пересекал снежный покров, он был особенно ярок. Я устала на свечу, пожелала и потянула силу из этого сияющего места — фитиль вспыхнул! Ура! Я поняла!

Вскочив со скамейки, прихватила свечу и помчалась искать Тин. Та перебирала в подвале прошлогоднюю картошку, обламывая ростки.

— Тин! Я могу зажечь свечу, не произнося заклинание!

— Мири, так не бывает! Ну-ка покажи!

Держа свечу в руках, я устала на фитиль. Тут, в подвале, картина потоков была немного иной, и приглянувшийся мне светлый кусочек висел в воздухе, не касаясь мерцавшего снега... Я устала на фитиль, сосредоточилась, зачерпнула силы... и ничего не произошло. Попробовала еще раз — и снова не вышло. Тин внимательно смотрела на меня, потом вздохнула:

— Пошли-ка наверх, выпьем квасу, а ты мне подробно расскажешь, что и как делала.

Я была ужасно благодарна ей за то, что она не сказала мне, что я — выдумщица или, хуже, — лгунья.

Выслушав мой сбивчивый рассказ, Тин усадила меня на то самое место, где я занималась, и попросила попробовать еще раз. Я устала на свечу — и она вспыхнула! Без единого моего слова!

— М-да, не знаю, что и сказать... — Тин явно была обескуражена. — Никогда о таком не слышала.

Согнала меня. Села на ту же табуретку. Устала на вторую свечу. Наморщила лоб. Сжала виски пальцами. Зажмурилась. Потом открыла глаза и вздохнула:

— Не могу. А другую ты можешь?

Я попробовала с того места, где сидела сейчас. Не вышло.

Тин, вздохнув, поднялась с табуретки и сделала жест рукой — пересядь сюда.

Я пересела. Свеча зажглась.

— Так. Сядь-ка тут же, но на другую табуретку! — скомандовала Тин.

Выяснилось, что дело не в табуретке, — свечи по-прежнему послушно загорались и гасли. Но только тогда, когда я сидела на этом месте.

— С ума спятить! — пожаловалась Тин в пространство. Задумалась. — Откуда ты магию берешь?

— Из потоков, как всегда.

— А точнее?

— Да всё как обычно! Нашла самое яркое место, оттуда и тяну!

— М-да... И где оно у тебя, это яркое место?

— Да в самой серединке!

— Странно... у меня там только ручеек был вроде. Довольно хилый... Ну-ка, пусти!

Тин снова уселась на зачарованное место и закрыла глаза.

— Мири, я вижу три потока. Правый нижний — самый яркий, он расходится вилкой где-то вот тут, — ткнула пальцем в воздух. — Садись сюда и описывай подробно, что видишь.

Я поерзала, закрыла глаза, вызывая из памяти снежную равнину, пронизанную серебристыми реками.

— Да, три потока. Вилка на нижнем правом вот тут, — не открывая глаз, ткнула пальцем. — Но самое яркое место прямо под луной...

— Какой луной? Откуда у тебя луна?! — обалдела Тин.

А что, у неё луны нет? Ой, я ж ей до сих пор никогда не рассказывала, что вижу во время медитаций...

— Тин, я всегда вызываю сначала картину заснеженной ночной поляны, а над ней светит луна. И, как только вспоминаю это, сразу становятся видными потоки магии.

— Вот оно как... — Тин задумалась. — А скажи мне, что у тебя в том месте, где самый яркий поток тек?

— Ничего нет. Просто снег под луной блестит.

— Снег блестит... — повторила Тин.

Мы замолчали.

— Так, Мири, пересядь на другую лавку и скажи мне, будет там снег блестеть или нет?

— Так он же под луной, конечно, будет! — захлопала на нее глазами я.

— Все же давай проверим.

— Ну, блестит, — сообщила я, переместившись на противоположный конец стола.

— А потоков рядом с этим местом сейчас нет?

— Рядом нет. Есть один вот тут, — ткнула пальцем в воздух, — и другой — вот там, — махнула над головой.

— Мири, сделай, как я скажу. Сиди, где сидишь. И попробуй зажечь свечу. Но силу бери не из потоков, а из этого светлого пятна. Поняла?

Я не ждала, что получится... но свеча зажглась. Мы с Тин уставились на нее с вытянутыми лицами.

— Всё, остановись. Дай подумаю, — устало махнула рукой моя наставница. — Выходит, есть источник магии, который ты всегда видишь в одном и том же месте. И для обращения к которому не нужны магические формулы, а достаточно лишь желания. Я о таком никогда и не слышала... Завтра продолжим, а сейчас давай возьмем корзины да в лес сходим — может, грибов к ужину соберем.

Вечером я снова вертелась в постели, раз за разом вызывая из памяти привычную картину. Что ж это такое?

За завтраком Тин сказала, что пораскинула мозгами и считает так: мне стоит продолжать учить и тренировать обычную магию. А с тем лунным светом упражняться тоже, но осторожно. И никому о нем не рассказывать. Целее буду.

К приходу осени я вся уже извелась: невозможно было предсказать, когда спину снова начнет буравить недобрый взгляд. Тин качала головой и не уставала напоминать, чтоб я без нее носа со двора не высовывала. Я зверела и мечтала о том, как вырасту, выучусь и отомщу всем этим козлам.

— Мири, брось эти мысли... Садись-ка лучше поработай. Вот у меня есть небольшая склянка чернил, которые от воды не плывут. Бери хорошую бумагу, мою книгу и переписывай себе те заклинания, что умеешь делать, — пригодится!

Я уже начала разбирать знаки в книге, казавшиеся мне поначалу абракадаброй. Не всё, но кое-что становилось понятным. Наверное, волшебники так специально путают записи, чтобы непосвященный не мог ничего разобрать и натворить. Специальными значками обозначались разные положения ладоней и жесты активации, разными закорючками — сочетания из двух-трех букв каждое. А если учесть, что и сами слова для нормального человека звучали тарабарщиной, то понять, какую сложить фигу, каким образом вывернуть кисти рук и как при этом хитро выругаться, чтобы вызвать дождь, непричастный к этой лабудени понять не мог никак.

Высунув язык, перерисовала на лист ряд символов заклинания по сведению бородавок. Сначала что-то вроде битого окна. Потом завязанная хитрым узлом двухголовая змея. И, наконец, букашка с тремя руками и четырьмя ногами. Захотелось нарисовать ей еще усы и зубы. Но сдержалась — вдруг это тоже что-нибудь значит?

Пока мучилась, гадала — есть в Рианге школа или нет? Если есть, это очень хорошо — я буду навещать Тин, а она сможет иногда приходить ко мне. А если нет, тогда мне куда деваться? Ведь ясно — идти со мной для Тин опасно. Я уже знала от неё, как ищут преступников, — по портретам с перечнем примет, которые развешивают в больших городах на стене ратуши. Получается, существует риск, что кто-то ее опознает. А если Тин опасается, значит, основания для тревоги есть.

За пару дней до выхода я упросила Тин сходить со мной в лес. Было чувство, что сюда я уже не вернусь. А что впереди — я не знала. И очень боялась. Вдруг там люди такие же, как Сибир с Фариной? Или Хрунич с Елькой? По моему опыту выходило, что доброта Тин — это редкое, драгоценное исключение. Вот что я видела за тринадцать лет? Целую деревню гадов и одну добрую Тин. Вот и вся арифметика.

Мы брели по перелеску, не отходя друг от друга дальше, чем на десять локтей. Собирать особо было нечего — пора целебных трав прошла, а для грибов было слишком сухо — дождь не выпадал аж целую неделю.

— Ти-ин! А почему в школу в сентябре надо идти?

— Потому что так заведено. Как урожай соберут, так и занятия начинаются.

Ага, тогда понятно. Зима в наших краях из-за ледяного дыхания Северного моря приходила рано, иногда первый снег падал уже в середине сентября. Выпадет — и лежит до апреля, не тает. Вот к этому моменту всё, что выросло, должно быть убрано. И после этого люди и на торги едут, и свадьбы играют, и в школы идут.

— Ти-ин? А какого октября у меня день рождения?

— Мири, я ж тебе десять раз говорила, что точно не знаю. Твою мать нашли в конце

сентября. Умерла она в середине ноября. Вот выбери любой день от десятого до двадцатого октября, наверняка не ошибешься. Ты мне скажи, с фамилией ты как, решила?

Тин объяснила мне, что у людей в большом мире кроме имени или клички, как у нас в деревне, было нечто, говорящее о принадлежности к роду и единому корню. Называлось это фамилией и ставилось за именем. А иногда использовалось даже без него. Все люди делились на благородных дворян и остальных. У дворян перед фамилией произносили приставку «тер», а у крестьян или ремесленников «йор». Вроде все просто... Вот только у меня фамилии не было. Тин предложила мне зваться Тимири йор Благодень, но я и слышать об этой ненавистной деревне не хотела. И пристала к ней, что хочу носить её фамилию. У нее же есть какая-то? И она же сказала сама, что я для нее — младшая сестра?

Тин в восторге не была — с уходом из семьи её матери, происходившей из захудалого дворянского рода, в свое время был связан скандал. За кого-то та замуж собиралась, да так и не вышла. А Тин родилась. Так что своё «тер Сани», с ударением на второй слог, Тин не озвучивала вовсе — были у нее сомнения, что это имя принадлежит ей по праву. И меня она предупредила, что если встречу родню, могут быть неприятности. Но мне все равно хотелось зваться так же, как она. И Тин согласилась, сказав, что наши судьбы похожи: ведь моя мать по виду тоже не из простых была, и также без мужа. Так что сейчас я бодро отрапортовала:

— Я, твоя младшая сестра, Тимири тер Сани, мою маму звали Олидия тер Сани, дедушка и бабушка — Кейриди и Аллисент тер Сани из Лидарета близ Бердена.

— Одно хорошо, — вздохнула Тин, — что в розыске я под другой фамилией значусь. Негоже тебе жизнь начинать с родства с преступницей. Есть в этой истории только одно слабое место — я ж тебя на треть века старше. Вот и выходит, что маме было уже за пятьдесят, когда появилась ты.

— А кто у тебя магом был, мать или отец?

— Ну, про отца я вообще ничего не знаю. А мама от черной лихорадки умерла, когда мне четырнадцать было. Вроде бы слабенький Дар у нее был, хоть она и скрывала. Один раз я видела, как она свечу на алтаре Богини-матери без огнива зажгла. То есть и впрямь стареть она могла медленно. И для тебя, если родню встретишь, это лишнее доказательство — у них волшебство, и у тебя тоже. Но говори, что леди Олидия умерла после родов, а растила тебя сестра.

Умерла после родов... ведь так и было. И я никогда не видела мамы. А больше и не увижу. Настроение, и без того тревожно-взвинченное, упало до земли.

— Знаешь, что интересно? — продолжила Тин. — Ты на свою мать становишься похожа. Волосы, овал лица, абрис губ. Пока говорить, конечно, рано, но общее сходство уже сейчас заметно. Только глаза у нее были серые, а не как у тебя, золотисто-карие. И моя была того же типа — каштановые волосы, серые глаза, худенькая. Видно, это отец у меня черноволосым да зеленоглазым был.

Это все я уже знала, но сколько б она ни повторяла короткий рассказ о моей матери, готова была слушать снова и снова.

Мы побрели дальше...

Увидев под корнями ели кустик брусники со спелыми ягодами, присела, чтобы влезть под ветки и оборвать. Чуть дальше росло еще несколько. Пока собирала в ладонь ягоды, думала о маме. И оказалась совершенно не готова к тому, что внезапно на меня навалилась тяжесть, а рот зажала грубая ладонь.

— Поймал! — раздался громкий шепот за спиной.

— Зимка, держи ее крепче! Щазз придем, поможем... только утащить эту заразу надо куда подальше. А то травница увидит — проклянет!

Ох! Тин, где ты?! Забилась выброшенной на берег рыбой, но зря — рука держала крепко, не давая закричать. Вторая лапа сунулась под рубаху, царапая спину ногтями, и потянула пояс портов. Я почувствовала, как от моей ненависти мир становится красным — не позволю! Руки прижаты, так мне они и не нужны! Снег мой, друг мой — где ты? Тут? Так пусть под рукой, зажимающей рот, вспыхнет огонь!

Заорали мы с Зимкой оба. В голос. Он — от неожиданной жалящей боли. Я — оттого, что перестаралась и обожгла себе подбородок.

Тяжесть со спины исчезла. Послышался треск, а потом холодный голос Тин произнес:

— Парни, а вы тут что потеряли?

— Да-а... да-а... — я узнала голос Ельки. — Да она упала, а мы помочь подняться хотели!

Я села, одергивая тунику и отряхивая от хвои живот и колени. Подбородок ныл, но я не собиралась этого показывать — ведь специально запалила огонь так, чтоб его не видно со стороны было. С ненавистью уставилась на сидящего рядом на земле рыжего Зимку, баюкающего руку. Елька с Иржиком стояли невдалеке, у большой ели.

— Так, значит, вас помочь прислали? — Тин обвела троицу тяжелым взглядом.

Парни, сглотнув, кивнули.

— Да, Хрунич обещал мне к зиме прислать кого-нибудь, с дровами подсобить. Так это вы?

Так. Кому-то сейчас сильно не повезет.

Парни кивнули снова.

— Вот и отлично! — милостиво качнула головой моя наставница. — Вон как раз пригорочек с подходящими сухими елками. Вы ж парни сильные? Вот берите по одному бревну, они не толстые. Нам как раз пора домой поворачивать, вы следом и пойдете. Донесете, распилите и свободны!

Вся злость у меня прошла, стало даже смешно. После того, как эти козлы протащат бревна по оврагам да буеракам, а потом еще на поленья попилят, им уже не до беготни за девками будет.

— Ну, что встали? Давайте, по бревну на плечи — и вперед! — в голосе Тин звучали повелительные нотки.

Парни с обреченным видом поплелись к косогору.

Через час мы подошли к дому. Следом тащились три потные, пошатывающиеся, матерящиеся под нос фигуры с длинными, толщиной в ногу лесинами на плечах. Тин как ни в чем не бывало зашла в избу, вынесла оттуда пилу и большой ковш воды. Отдала парням:

— Давайте, козлы вон там, поленица за сараем. Распилите — свободны, — повернулась ко мне. — А ты, Мири, иди пока в избу, травы разбери.

Зашла за мной следом, подмигнула:

— Ну, думаю, их ты видишь в последний раз.

Все же какая Тин умная! Не просто приструнила гадов, а припахала к делу и нагрузила так, что им долго еще в эту сторону и глядеть не захочется!

Парни провозились с дровами почти до заката. После этого Тин вынесла им по паре

пирожков с капустой на дорогу, отдала Иржику микстуру от кашля для его матери, Зимке выдала склянку с мазью для больных коленок отца. А Ельке велела передать спасибо Хруничу за помощь. Да еще на прощанье от околицы рукой помахала.

Вернувшись в избу, присела на скамейку:

— Уф-ф... Ну, кажется, пронесло. Поняла, что и как я сделала?

Я кивнула. Вот только сама я так пока не умею. Но... посмотрела на Тин с надеждой:

— Тин, а если ты так их спровадила, может, они отстанут? И мне не надо никуда идти?

— Мири, ты сама все понимаешь. Что будет, если в следующий раз тебе не рот зажмут, а по голове поленом стукнут?

Следующий раз. Ох-х...

Вечером на другой день мы отвели коз Франьке. Договор был прост: она гоняет Белочку и Снежинку на выпас, зато и все молоко — её. Куры вполне могли прокормить себя сами. А яйца полежат — ничего при прохладной погоде с ними не станется.

Я как потерянная бродила из угла в угол. Тин грустно качала головой и паковала мой мешок — белье, запасные штаны и рубашку, сухари и вяленое мясо, травы и снадобья на все случаи жизни, самодельный планшет с исписанными листами и теплый плащ. Спрятала вниз, под вещи, кошелек с несколькими серебряными и горстью медных монет.

— С кольцом что делать будем? Думаю, носить тебе его пока нельзя. Даже на цепочке, на шее. Давай, я его в шов на жилетке зашью? Красть ее вряд ли кто польстится.

Я молча кивнула.

Не хочу я отсюда уходить! Я люблю Тин! И эту избу люблю — хвойный запах от бревен, пучки трав под стрехой, тепло от печки и свое лоскутное одеяло, наш выскобленный добела стол и мышинный писк в подполе. Век бы тут жила... Почему я должна бежать?

— Потому что тут покоя тебе не будет, — вздохнула Тин. — Единственный выход — если вдвоем переберемся в такую же глушь, где тебя и о тебе никто не знает. Но сниматься с насиженного места — это нелегко, поверь. Да и учиться тебе надо. Мири, давай так: если ты в школе совсем не приживешься, тихонько вернись сюда — я буду ждать. И тогда брошу я этот дом, другой сыщем — отсюда подальше. Согласна?

Я кинулась к ней на шею.

Вечером, засыпая, думала о том, как я ее люблю. Люблю... Но, если я ее и вправду люблю, разве могу я позволить, чтобы из-за меня она бросила дом, который обживала много лет, нажитое хозяйство, насиженное место, где ее знают и уважают?

Нет, совсем это не правильно. Значит, если я люблю Тин, я должна справиться. Как бы ни было трудно и чего бы мне это ни стоило.

* * *

Утром вышли еще затемно. Двор тонул в белом стилом тумане. Все было влажным, холодным. Даже дверь и калитка казались сырыми. Тропинка под ногами была еле различима. Подняла голову — звезд за туманом не видать. А до восхода еще целых три часа. Под ногой хрустнуло — по ночам уже начались заморозки, и мелкую лужицу затянуло льдом. Из рта поднимался парок. Оглянулась в последний раз на темную махину дома — ох, как же я не хочу никуда идти! Но надо. И хныкать я не стану, Тин ведь тоже не хочет меня отпускать, я же вижу, как она расстроена. Так что ей зря нервы трепать?

Нам предстояло пройти несколько лиг наискось через перелески к ведущей от Зеленой Благодени к Сухой Сохе дороге. Выбраться на нее мы собирались у самого моста через

Потаву. А оттуда пойдём уже по тракту. Я так далеко никогда в ту сторону не заходила, и мне хотелось посмотреть на большую дорогу, мост...

— Ну, Мири, какая большая? Ты что? — засмеялась идущая впереди замотанная в платок до бровей Тин. — Сама же знаешь, приезжие у нас раз в пять лет бывают, а деревенские хорошо раз в два года за покупками в Соху съезжают. Одно слово — дорога. А на деле — две заросшие колеи. Хорошо, хоть мост в свое время на каменных быках поставили — его и чинить не надо.

Я чуть не поскользнулась на мокрой траве и, закрыв рот, засеменяла следом за Тин. Мешок с вещами оттягивал спину, смещая центр равновесия, — я чувствовала себя непривычно неповоротливой и неуклюжей. Но ноша Тин, которая волокла на себе всё, что мы наготовили за лето на продажу, была куда тяжелее. Так что не хнычу и не отстаю.

Мост мы прошли еще в сумерках. Впрочем, я не впечатлилась. Под ногами — гулкий деревянный настил из осиновых, чтоб не гнили, бревен. По краям — кривоватые деревянные перила. Ширина — шагов восемь-девять, одна телега или воз с сеном легко пройдут, а двум уже не разминуться. Внизу — черная лента медленной здесь реки с белой оторочкой первого ледка по краям. И вокруг темно.

Одна радость — как выбрались на дорогу, сразу стало легче идти. И ноги скользить перестали. Я уже запыхалась, все же шли мы быстро и с грузом. Тин оглянулась:

— Потерпи. Видишь холм впереди? Вот там сделаем привал.

Холм? Это то серое, что мерещится в тумане?

Оказалось, он самый. Тин уверенно свернула на обочину, помогла мне влезть на косогор и вывела за руку на небольшую полянку с парой толстых лежащих бревен. Похоже, это место она знала. Присела и полезла в котомку, за пирожками и флягой с тайрой^[4].

— Тин? А разбойников тут нет?

— Мири! Что за фантазии? Какие разбойники в этом богами забытом медвежьем углу? Кого они тут грабить будут? Ни путников, ни купцов... Думаю, кроме нас на всей дороге сейчас ни души.

Я закрыла глаза и прислушалась к себе. Последние несколько месяцев я заметила, что если вот так сосредоточиться и как бы раскрыться, слиться с окружающим миром, то можно определить, есть в округе кто живой или нет. Сначала думала, мне мерещится. А потом начала этим пользоваться, разыскивая коз и кур. Бывали сбои, но в целом все получалось неплохо. Наверное, это хорошее умение. И надо бы научиться пользоваться им на ходу. Вот если б вчера в лесу я почувствовала, что рядом кто-то есть, не попала бы так по-глупому Зимке.

Но сейчас вокруг было пусто. Так, какие-то птицы в кронах деревьев да пара зверушек в подлеске. Мелкие. Зайцы, наверное. Мышей я не чувствовала.

Постепенно рассвело. Мы продолжали путь по пустой дороге. Перелески, голые уже поля, покрытый инеем бурьян вдоль обочины.

— Через пару часов придем, — оптимистично сообщила бодро шагающая рядом Тин.

— Тин? А ты в магической школе училась?

— Нет. В моё время их не было.

— А как ты училась?

— Да просто. Когда мне было десять, мы с мамой жили рядом с аптекой. И я там на

посылках подрабатывала — разносила по клиентам микстуры да лекарства. А потом дядька Петрим стал меня понемножку обучать, приспособил отвары да вытяжки делать и смеси разные составлять. Читать и писать я умела, мама научила. Оказалось, у меня есть способности — и запоминала я легко, и микстуры хорошо получались. К четырнадцати годам я была у Петрима помощницей. Он не старый был, и не противный... кажется, были у него планы на мне жениться. Да только когда чума пришла, он умер. Как и мама... А потом приехали его родственники и аптеку продали. И я осталась на улице. Перебралась в другой город, открыла свое дело, прожила там пять лет. Что дальше — ты знаешь...

Тин замолкла. Да, я знала про несчастье с Ани. И про то, как Тин дважды пыталась уехать подальше и снова поселиться в городе, — и дважды вынуждена была срываться с места, когда её опознавали. Как стала ездить по деревням, разыскивая себе учителя. Потом несколько лет жила в работницах и помощницах у старой знахарки. Магией та не владела, но о травах знала все. И, наконец, сменив еще несколько мест, Тин поселилась близ Зеленой Благодени.

— Ти-ин...

— Что?

— А можно спросить?

— Чего? Говори уж. Что кошку за хвост тянешь?

— А ты замужем была?

— Эх, Мири, нашла ты, что спросить. Ну ладно, скажу. Был у меня жених во втором городишке, где я пыталась пристроиться. Именно он-то меня властям и сдал, — за мою голову пять золотых давали, много по тамошним меркам. Я сумела сбежать. Но с тех пор счастья себе не ищу — не надо мне такой радости.

Тин невесело засмеялась.

Я поёжилась. Вот еще одно подтверждение: все мужики — гады. И сообщила:

— Я тебя люблю. И, когда выучусь и стану сильной, — вернусь. Будем жить вместе, и никто нам не нужен!

Тин засмеялась снова.

Сухая Соха меня потрясла — вокруг стояли двухэтажные домищи, и народу было столько, сколько я в жизни не видела. А под ногами лежал настил, который назывался тротуаром. Дощатый, но все равно ходить по нему было несравненно удобнее, чем по грязи. Тин тут же посоветовала мне закрыть рот и перестать хлопать глазами. И сообщила, что в больших городах мостовые каменные.

Сначала я порывалась начать здороваться со всеми прохожими и кланяться, но снова получила нагоняй. Во-первых, в крупных поселках такое не принято — большинство людей не знакомы между собой. А во-вторых, раз я решила взять фамилию матери Тин, тер Сани, так нечего мне дворянский статус в грязь ронять. Кому попало я кланяться не должна. Учтивый кивок головой — равным. Реверанс с полуприседом на одну ногу, которому меня научила Тин, — для высших. И вежливое ответное «добрый день» для остальных. Не более. И неважно, что я еще маленькая. Статус есть статус. Я задумалась: может, мне все ж назваться просто Тимири йор Благодень?

— Не бойся, привыкнешь. Сейчас зайдем к моей знакомой лекарке, отдадим часть трав. Они обычные, большой разницы что тут, что в Рианге, в цене нет. Потом сходим на рынок — надо тебе еще носков прикупить да какой-нибудь еды в дорогу. Там же и оказию поищем:

вдруг кто из крестьян в сторону города едет? Ну да и поедим чего-нибудь.

Я закивала — живот давно громко и настойчиво урчал.

Тин купила мне не только носки. К багажу добавился свитер под горло плотной вязки из серой мягкой шерсти, пара настоящих черных головных лент и пленивший мое воображение резной гребень с оскаленной мордой неведомого чудища на нем. Пока Тин отоваривалась, я цеплялась сзади за ее плащ и в оба уха слушала, как моя наставница торгуется. Оказывается, если постараться, можно даже без шума и криков снизить цену на треть, а то и больше. Закончили мы поход в корчме, где Тин выбрала стол у стенки, велела мне сторожить наши сумки, а сама пошла к прилавку. Через несколько минут румяная девчонка лет пятнадцати принесла нам поднос с парой глиняных мисок горячей похлебки, деревянные ложки и тарелку с крупно нарезанными ломтями хлеба.

Мне всё нравилось. Но одновременно было тревожно: это вместе с Тин хорошо. А что было бы, окажись я тут одна, без нее? Поёжилась.

— Мири, не волнуйся так. Привыкнешь. Я, когда одна осталась, была лишь на год старше тебя. А видишь, ничего, выжила.

Ну, если так...

Нам повезло. Один из купцов, закупавший в Сухой Сохе по дешевке сено и зерно, чтобы потом дороже перепродать их в городе, согласился нас подвезти всего за несколько медяков и с условием, что Тин по дороге посмотрит, что у его племянника с локтем. Четыре телеги выехали на западный тракт за час до заката — прижимистый дядька не хотел лишний раз платить за ночлег в трактире и постой коней. Ведь еще не холодно. В смысле, сугробов пока нет. Так что переночевать можно в сене, а лошади пусть попасутся у дороги. Сплошная экономия. Мне такой образ мыслей был понятен — сама поступила бы так же.

Я была одета по-мальчишески, на глаза не лезла, так что на меня попросту не обращали внимания. Пользуясь свободой, с разрешения Тин забралась, цепляясь за веревку, наверх высокого воза с сеном и улеглась там на живот. Ух ты! Видно все вокруг... А стог покачивается на ухабах туда-сюда, и приходится цепляться за веревку, чтобы не свалиться вниз. Такого счастья в моей жизни еще не было. Даже когда съехали с дороги, чтобы устроиться на ночлег, я не спешила слезать. Есть пока не хотелось, с остальным можно было тоже потерпеть. Сползла вниз, только когда вспомнила, что мы с Тин сегодня вместе, может быть, последнюю ночь.

Забралась к ней под телегу и притулилась сбоку.

— Соскучилась, Мири? На, укутайся попоной — к утру холодно будет.

— Тин?

— Да?

— Я не хочу, чтобы ты уходила...

— Я и сама не хочу. А что поделаешь? Ломаю голову, ломаю, а по-другому никак не выходит. Спи... И да, Мири, если придется одной куда идти, зовись Тимом — по-мальчишески. А то какой смысл одеваться как пацан, а зваться как девчонка?

Я захихикала.

— Ну что смешного нашла?

— Ты — Тин. А я — Тим. Смешно!

— И вправду смешно. Всё же спи...

На следующий день ближе к вечеру мы подъехали к Риангу. По дороге Тин рассказала, что город этот довольно большой. Вырос он на скрещении двух дорог. Тут тракт, по которому мы ехали, пересекался с другим — большим торговым путем с севера на юг, который заканчивался в Аринде — удобной морской гавани с одноименным портом, откуда отплывали корабли к восточной группе островов, заселенных викингами.

Остаток пути пришлось пройти пешком — прижимистый купец снова собрался ночевать в чистом поле, чтобы въехать в город с рассветом и сразу направиться на базар. Руку его племянника, кстати, Тин починила — оказалось, у юного Сигура был подвывих сустава. Плотные повязки и банка мази, которую дала Тин, должны были помочь привести локоть в порядок за пару недель.

Тин, по-прежнему замотанная в платок по брови, подходя к городским воротам, изобразила на лице непривычное выражение покорной тупости, изменившее ее живое лицо до неузнаваемости. Мне и стараться не пришлось — при виде начинающейся у въезда в город булыжной мостовой, самих ворот высотой в три человеческих роста и подсвеченных фонарями огромных домов за ними, рот открылся сам собой. Так я и брела с открытым ртом, пока Тин не велела мне его захлопнуть — а то летучая мышь влетит!

— А куда мы сейчас идем?

— На постоялый двор. Знаю я тут один недорогой и чистый. Там поедим, вымоемся как следует, отдохнем. А с утра пойдем по делам.

— Рианг очень большой, да?

— Да не такой уж и большой. Здесь всего двадцать тысяч жителей.

Ух ты! А в Благодени было всего-то двадцать дворов, где обитало старых и малых около ста человек. А тут в двести раз больше! В голове не укладывается!

Если честно, я просто терялась от огромного количества толкущихся вокруг незнакомых людей. Все куда-то спешат, бегут, переговариваются на ходу, распихивают друг друга локтями, обгоняют... да овцы в отаре так не толпятся! И это вечером. А что ж тут днем-то творится? И как тут ходить, ни на кого не налетая и не спотыкаясь?

Мимо, ловко, как рыбка среди водорослей, проскользнул чумазый пацан. Я проводила его с открытым ртом — вот как у него так выходит? Получается, как-то можно. Тин дернула меня за руку.

— Пошли уж! И если решила встать, как каменная чушка, хоть отходи с дороги, а то людям ходить мешаешь! Эх, не дело тебя одну куда-то отпускать, совсем ты к этому не готова...

Расстроенные слова Тин вылились на мою голову ушатом холодной воды. Ведь выбор очень прост: или я учусь и осваиваюсь тут, или возвращаюсь назад, и через месяц или год, но неизбежно, становлюсь забавой для благоденских парней. Встряхнувшись, сама потянула Тин за руку:

— Говори, куда идти. Я постараюсь...

— Ну и молодец. Видишь, впереди дом с башенкой? Вот за ним поворот. Нам туда.

В трактире тоже былолюдно. Шумели и стучали посудой трапезничавшие в большом зале люди, сновали туда-сюда подпоясанные полотенцами румяные подавальщицы с

подносами. Сам хозяин — рыжебородый мужик средних лет из породы «поперек себя шире» — стоял за широким прилавком, перебрасываясь шутками с посетителями, получая деньги, выдавая ключи от комнат постояльцам и походя решая возникающие проблемы. Тин протиснулась к стойке:

— Митрон, привет!

— О, Тина! Сто лет тебя не видел! А это кто с тобой? Неужто замуж вышла, дитё родила?

— Сестра моя младшая. Нам бы комнату, да воды горячей лохань. И ужин через час.

— Верхний этаж устроит? И, Тина, тех травок у тебя нет?

— Как не быть... все есть. Заходи через час после ужина, потолкуем.

— Ну, держи ключ. Для тебя скидка — с ванной и ужином полторы серебрушки.

— Спасибо, Митрон!

Мы поднялись по деревянной лестнице аж на четвертый этаж. Ничего ж себе высота! Интересно, а что будет из окон видно... Жаль, сейчас темно...

В номере я снова хлопала глазами — таким он показался мне роскошным. Над широкой кроватью висела настоящая картина с какой-то чернокудрой госпожой с открытым ртом, пытавшейся проглотить целиком незнакомый мне фрукт. Точнее, целую горсть лиловых, как темные колокольчики, фруктов. Наверное, что-то южное, я таких никогда не видела. На столе имелась скатерть. А на ней красовались настоящий стеклянный графин с граненой пробкой и два стакана.

— Так, Мири, хочу тебе кое-что сказать.

— Аа-а?

— Кончай удивляться по любому поводу. Иначе всякий поймет, что ты — приезжая из глуши, ничего не знаешь. А значит, и обмануть тебя легче легкого. Обокрасть, выманить деньги, а то чего и похуже. Вот вспомни, как вела себя в начале нашего знакомства — лицо замкнуто, рот закрыт. И держись так. По сторонам смотри внимательно, но глазами не хлопай. Иначе наверняка нарвешься на неприятности.

— Тин, а в городе люди злые?

— Люди разные. Есть добрые, есть злые. Ты неизбежно встретишь и тех, и других. Так что будь поосторожнее и повнимательнее. Поняла?

Кивнула. Мне было стыдно. Сколько раз за последнюю пару дней она просила меня хлопнуть раззявленный рот? Что, по-другому не выходило? Да нет, просто я за собой не следила, понимая, что рядом с Тин нахожусь в безопасности.

В дверь постучали. Появились какие-то мужчины в белых фартуках, втащившие здоровенную деревянную лохань. Поставили ее у стены, застелили широкой белой простыней. А потом быстро натаскали горячей воды.

— Ужин сейчас нести? — поинтересовался востроглазый чернявый тип, опорожнивший последнее ведро.

— Да, — коротко кивнула Тин.

Когда дверь закрылась, я вопросительно на нее посмотрела.

— Да просто я без платка показываться не хочу, — улыбнулась Тин. — Знаешь, береженую Богиня бережет. Митрон-то меня видел, мы с ним давно знакомы. Я его дочку пару лет назад выходила, так что он не продаст. А вот остальных лучше не искушать.

После еды — баранины с картошкой и густой подливой — первой в ванну загнали меня. Тин сама промыла мне волосы, потерла спину.

— Вот, теперь порядок. Вылезай, сохни. Пока я моюсь, ты как раз расчешешься.

Через час, когда мы, снова одетые, с причесанными волосами, отдыхали на кровати, пришел Митрон. Тин пересела за стол, сначала заговорила с ним, расспрашивая о делах, о последних новостях, о здоровье домочадцев. Потом полезла в котомку, доставая пакеты с травами. Трактирщик довольно кивал. Забрал пакеты, достал из кармана кошель и отсчитал десяток серебряных монет.

Подумав, Тин достала из сумки бутылку со спиртом с плавающими в нем цветами снежноцвета. Трактирщик заинтересованно прищурился, назвал цену. Тин укоризненно покачала головой и сказала, что в любой аптеке за такое с него запросят вчетверо больше. Что-то уступить она может, но не в разы же? Ведь Митрон-то сам, торгуя стопками, получит втрое при любом раскладе. Мужик чуть разочарованно кивнул и снова полез в кошель. И отсчитал четыре золотых. Ничего ж себе цветочки!

Я, сидя в тепле, на мягком, чувствовала, что начинаю клевать носом. Голоса плыли, становились то громче, то тише... Наконец трактирщик ушел. Тин заперла дверь и пересела ко мне на кровать.

— Мири, проснись-ка и послушай!

Я захлопала глазами, честно пытаюсь сфокусировать взгляд на лице Тин.

— Школы тут нет. Придется тебе идти дальше, — вывалила Тин мне на голову неприятную новость. — Завтра с утра пройдемся по аптекам, продадим оставшиеся снежноцвет и царь-корень. Потом купим тебе платье — хоть одно приличное иметь надо. И еще одну пару обуви — нужны сапоги по ноге на крепкой нескользкой подметке. А дальше будет выбор: ближайšie города, где есть имперские школы для магически одаренных детей — это Синтан на юге и Китовый Киль в устье Заны на западе. Куда тебе идти — я и не знаю, в Синтане я не была никогда, а в Китовом Киле лишь однажды.

— Тин, а какой город больше?

— Синтан, кажется.

— Тогда я в этот, в Китовый Киль пойду.

— Может, ты и права. Там жизнь попривычнее да попонятнее. И я тебе хоть с дорогой подсказать смогу. Туда пешком три дня пути. А у тебя времени в запасе больше недели, так что должна успеть. Вроде бы занятия начинаются в середине сентября, но сама понимаешь, прийти лучше пораньше. Первый день можешь заночевать в трактире, на дороге есть пара. На второй день ты мост перейдешь, так за ним холмы начинаются. А деревень там рядом нет. Я, когда ходила, меж дорогой и рекой пещеру нашла удобную. Увидишь большие валуны, что как три пальца торчком торчат, за ними лезь на холм. За кустами щель — вот там и есть. Вдруг пригодится — непогоду переждать?

Я кивала, запоминая. Потом спросила, пока не забыла:

— Тин, а что за травы трактирщик хотел?

— Видела подавальщиц в зале? А есть еще и прислуга на этажах. Митрон никого не заставляет, но и не запрещает — многие из них не замужем и спят с приезжими. А от такого, сама знаешь, забеременеть можно. Вот, чтобы этого не случилось, те травы и нужны. Ложка настойки с утра каждый день — и делай, что хочешь.

Фу! Совсем я ничего такого не хочу!

Тин притянула меня к себе и засмеялась.

— Хватит болтовни, спать давай!

На следующий день мы простились у западных ворот. Мой заплечный мешок был набит — Тин прикупила мне и хорошее шерстяное платье с вышивкой у ворота, и обещанные сапоги с голенищем почти до колена, и две пары шерстяных полосатых чулок. А в плащ сама зашила пять кругляшей — половину золотых монет, которые она выручила, продав царь-корни. И строго велела мелочь для расчета держать в кармане, а сколько у меня всего денег — никому не говорить и не показывать.

Теперь мы стояли в арке недалеко от западных городских ворот, смотрели друг на друга несчастными глазами и всхлипывали.

— Мири, девочка моя... Береги себя! А я буду тебя ждать. Всё. Иди! Счастливого тебе пути!

Я хлюпнула носом в последний раз, обняла её как могла крепко, повернулась и пошла к воротам. Чему быть — того не миновать.

Но я обязательно вернусь!

* * *

Дорога тянулась ровной лентой. За те дни, что мы провели в Сухой Сохе и Рианге, сильно похолодало. Чувствовалось, что зима уже на носу. Сорняки в мой рост по краю дороги щетинились инеем, а на мне под штанами были надеты две пары шерстяных чулок. И все равно жарко не было. А еще почему-то не было ни одной телеги или подводы, едущих в нужную мне сторону. Так что оставалось только переставлять ноги и радоваться тому, что сапоги удобные, а тракт без развилок.

Местность выглядела дикой. Справа и слева тянулись каменные поля, заросшие редкими кривыми сосенками. Ясно, такое и не вспашешь, сколько бульжники ни выбирай, и скот здесь пасти негде. Вот вокруг и пусто. Есть не хотелось совсем — утром Тин впихнула в меня большую миску сладкой каши, куриную ногу и половину пирога с черникой.

К вечеру дорога пошла вниз, появились клочки возделанной земли, обнесенные оградами из кривых жердей, а потом редкие хутора — низкие приземистые домишки с дощатыми крышами. Тин так и объясняла. Если она все верно помнила, в часе пути впереди должна быть небольшая деревушка, а в ней — придорожный трактир, где можно заночевать.

Так и вышло. Поскрипывавшую на ветру вывеску с изображением кровати и миски с торчащей из нее костью я углядела уже в сумерках. Толкнула незапертую дверь и оказалась в большой задымленной комнате. Пахло едой и чем-то кисловатым, вроде домашней браги. На полу раскидана солома, свет тусклый. Мне почему-то стало не по себе.

Протирающий тряпкой столы плечистый мужик поднял голову:

— Тебе чего?

— Я — Тим, иду в Китовый Киль к тетке. Хочу переночевать, — выговорить всё это я постаралась голосом ниже, чем обычный. Хотя у парня моего возраста голос еще не должен был ломаться, но пищать, понятное дело, не стоило.

— Две серебрушки, если без ужина.

Я захлопала глазами. Как так? С нас двоих, с ужином и ванной, в большом городе взяли полторы! Он что, озверел?

— Полсеребрушки — или иду искать ночлег в другом месте, — голос предательски дал петуха.

— Одна. И деньги вперед!

Ладно, дорого... но я так устала. Сунула руку в карман и сообразила, что там только медь. И на серебрушку не наберется. Придется лезть за кошельком.

Комната оказалась крошечной, а тюфяк на кровати набитым соломой. И, что хуже, по полу кто-то ползал. Мокрицы? Ну и мерзость! Да лучше б я поискала какой-нибудь сарай или стог сена!

Кроме кровати, в комнате имелись один стул, жестяное ведро и подсвечник с огарком на подоконнике небольшого окна. Чувствуя, что начинаю злиться, дала себе зарок никогда не платить вперед, если не знаю точно, за что отдаю деньги.

Задвинула щеколду на двери. Дернула на всякий случай за ручку... и обнаружила, что скоба засова не держится на косяке. Ой! Не нравится мне это. Взяв стул, попробовала подпереть им дверь. Фигня какая-то, пинком вышибешь. Поставила на сиденье стула железное ведро, пусть хоть загрохочет, если кто полезет. И задумалась — как обезопасить себя от вторжения? А то ведь и не уснешь спокойно. Что, если подтащить кровать к двери? Втиснувшись в щель, уперлась задом в изголовье и попыталась толкнуть — массивные кривые ножки громко заскрежетали по неровному полу. Испуганно замерла — сама не ожидала, что подниму такой шум. За дверью кто-то протопал.

Ну и что делать? Присела на край кровати. Может, посмотреть для начала, сколько тут народу? Я ж это умею. Через минуту открыла глаза. Если верить ощущениям, кроме меня в доме находились всего пять человек. И трое собрались внизу. А теперь — прикрыла глаза снова — поднимаются по лестнице. Если свернут в этот коридор...

Свернули. Хорошо, что я даже сапог не сняла. Схватив мешок, заметалась по комнате. Кинулась к окну. Ох, прыгать высоко и что внизу, не видно — шею сломаешь! Но больше деваться некуда.

Свесив ноги с подоконника наружу, уцепилась за ставню. И, скользя подошвами по узкому дощатому бортику на фасаде, поднырнула под нее. Ухватилась за какой-то выступ под выступающей стрехой, поджала ступни. Провисеть так какое-то время я смогу, а изнутри меня теперь не видно — заслоняет ставня. Сердце, как сумасшедшее, стучало где-то в горле.

Управилась я вовремя — изнутри послышался жуткий грохот. Ага, похоже, полетели мои стул с ведром. А потом раздалась еще более громкая ругань. Причем половина слов были незнакомыми — в своей деревне я такого не слышала. Интересно, это хоть на каком языке?

— Неужели пацан смылся? Ну ты, Щука, дурак! Что, не мог еще внизу его прижать?

— У него на поясе кинжал здоровый висел, — отозвался знакомый мне голос трактирщика с виноватыми нотками. — Ну и что теперь? Искать станем?

— Да где ж его теперь найдешь? Эх, упустили...

Послышались удаляющиеся шаги, и стало тихо.

А что мне делать теперь? Вдруг кто-то спустится во двор, проверить, не валяюсь ли я тут со сломанными ногами? И посмотрит вверх...

Нашарив ногами узкий карниз внизу, вцепилась в ставню. Можно, в принципе, попробовать снова влезть в окно. Но пол скрипит, вдруг меня услышат? А что тогда? И как выбираться потом? Выходит, надо прыгать вниз. Надеюсь, вилы под окна постояльцев тут ставить не принято. Хотя кто знает?

Прыгать с размаху не стала. Зацепилась за бортик в стороне от окна и повисла на руках. Прикинула, что до земли уже невысоко, призвала Ларишу и разжала пальцы. Встав с четверенек, огляделась. И охнула — если б я сиганула прямо с подоконника, как хотела

вначале, приземлилась бы как раз на лежащую зубьями кверху борону. Ну, гады!

Перебежками, стараясь держаться в тени, рванула к забору. Перебросила мешок, перелезла сама. Во дворе уже слышались голоса — похоже, меня все же решили поискать.

Всхлипывая, перебралась через глубокую канаву и выбралась на тракт. Найду укрытие — лягу спать. А сейчас надо уйти как можно дальше. Собак у них нет — не догонят. Только вот плохо, что я сдуру ляпнула, в какую сторону иду. Ведь говорила же мне Тин держать язык за зубами! Оглянулась — на изморози, покрывавшей дорогу, оставалась четкая цепочка моих следов. Совсем плохо.

Стиснув зубы, припустила трусцой. Я легонькая и выносливая — выдержу.

Бежала так волчьим перескоком — сто шагов шагом, сто шагов бегом — час или больше. Пока легкие не начали гореть огнем, а перед глазами не заплясали звезды. Пару раз видела какие-то дома, но проситься на постой еще раз желания почему-то не возникало. Зато, заметив перелесок справа от дороги, без колебаний свернула к нему. Дождя нет, тут можно и передохнуть. И земля под деревьями еще черная, следов тоже не будет.

Заснуть так и не смогла — холод и волнение не давали расслабиться. Зубы стучали, меня трясла дрожь. Как плохо быть маленькой, слабой и беспомощной! Время от времени я прикрывала глаза и сосредотачивалась — проверяла, нет ли погони?

После четвертой или пятой проверки поняла, что сидеть мне тут нечего — и не отдохну, и не усну. Встала и, пошатываясь, побрела назад, к дороге. Выйти на нее постаралась далеко впереди от того места, где сворачивала в лес.

К утру погода переменилась. Задул резкий холодный ветер, а по небу протянулись плотные шупальца низких облаков. Рано вроде — не зима же? Если бы был октябрь или ноябрь, я б первая сказала, глядя на перекрученные туманные жгуты над головой, — будет снежная буря. Но сейчас-то только первая декада сентября! Не может же прийти непогода так рано?

Перекусив на ходу, ускорила шаг. И теплее, и быстрее. Да и дорога тянулась по однообразной неуютной пустоши, хотелось как можно быстрее миновать это гиблое место. Время от времени притормаживала и вслушивалась — не идет ли кто за мной? Потом решила, что мои тревоги напрасны. Одно дело — ограбить парнишку, который сам в руки пришел с набитым вещевым мешком. И другое — гоняться за кем-то по тракту.

После обеда я пересекла мост через Зану, о котором рассказывала Тин. Погода к этому времени испортилась совсем — с ветром несло ледяную крупу, бросая ее в лицо, задувая в рукава и за шиворот. Глаза слезились. Я совсем окоченела, да и бессонная ночь давала о себе знать. Ничего, мне только бы до холмов продержаться, там ветер должен хоть немного стихнуть!

Из-за начавшейся метели я чуть было не прошла мимо тех самых растопыренных, как пальцы, трёх утесов. Если б не высматривала их по правую сторону дороги — против ветра, могла б и не заметить.

Проморгавшись, свернула направо, к крутому холму. Поднялась к камням. Не похоже, что их сотворила природа. Я слышала от Тин рассказы про менгиры. Может, это они и есть? Решила, что, как распогодится, рассмотрю. А сейчас разобрать бы, где те кусты, с расщелиной за ними. Снег бьет в лицо — ничего не понять. Как она говорила? Между дорогой и рекой, на том холме, где торчат три пальца, примерно на середине высоты, за

густым перелеском. За — это дальше от дороги, да? Наклонившись навстречу ветру, пошла к темневшим впереди низкорослым соснам, — по описанию место казалось подходящим.

Я не ошиблась — за большим валуном зиял темный провал, такой, что только человеку и протиснуться. А внутри скрывалась сумрачная пещера с избу Тин размером. Свет просачивался откуда-то сверху. А, она ж говорила, там есть щели, и можно разводить костер, дым уходит наверх и рассеивается по склону. И впрямь хорошее место! А вон и старое кострище... только дров нет.

Сбросив мешок с плеч, полезла наружу — надо было притащить, пока все не замело, хоть какого-то топлива. Пара охапок сухих веток — и я почувствовала себя вполне комфортно. Попались даже несколько кривых сучьев с руку толщиной — эти будут гореть долго. Может, до утра дров и не хватит, но у меня с собой столько теплых вещей, что зимовать с викингками могу! А сейчас все же сентябрь, а не декабрь какой.

Распаковав мешок, расстелила у стены на песке в два слоя теплые штаны, замоталась в плащ и уселась сверху, грызя плитку прессованных орехов с малиной и черникой, залитых медом, — этого лакомства собственного изготовления Тин сунула мне целый пакет. Снаружи выл ветер, а мне было хорошо и уютно. Как-то незаметно я задремала.

Проснулась рывком. Показалось, что вдали заржала лошадь. Похлопала глазами, покрутила головой — еще светло, свист ветра снаружи стал еще пронзительнее... а больше ничего и нет. Но беспокойство не отпускало. Поёжившись, поднялась на ноги. Ладно, раз проснулась — выгляну наружу. Посмотрю осторожно, что там. И, кстати, воду из фляжки я выхлебала, вот пока не темно, попробую спуститься к реке, наполнить флягу снова. А то снег есть придется, а что это — прямой путь к ангине, я знала уже на собственном опыте.

Закутавшись в плащ, высунула нос из расщелины. Ага, ветер поменял направление, и теперь хорошо видна темная лента реки почти рядом. Туда-то мне и надо. Переставляя ноги аккуратно и медленно, чтобы не оступиться, двинулась к берегу. Подошла по лежащему бревну к самой воде. Удобно, только скользко. Кстати, вон сколько плавника вокруг валяется — вот нафиг я сосновые ветки подбирала да обламывала? Тут, на излучине, дров на ползимы накидано. Одна проблема — бревна в основном такие, что мне не дотянуть. Но вон то и вот это уволочь вполне реально. Так и сделаю. А то что-то мне погода не нравится!

Засмотревшись на темную гладь воды, я не сразу осознала, что вижу человека. Собственно, на поверхности оставались голова с цветком длинных темных волос вокруг и бурый пузырь надувшегося вещевого мешка, который и не позволил телу опуститься на дно. Утопленница медленно дрейфовала по реке. Еще пара минут — и она окажется у отмели с бревнами. А потом её унесет дальше, к морю.

А если эта девушка еще жива? Сбросив плащ, в два рывка стянула сапоги с носками и шерстяные штаны. Теперь тунику... и в одной легкой рубаше солдатиком шагнула с конца бревна в воду. И завопила как резаная — холод вышиб воздух из легких. Хорошо, глубина оказалась по грудь и голова не намокла. По-лягушачьи в несколько гребков подплыла к телу. Похоже, недаром Тин говорила, что мой визг и мертвого подымет — дева открыла бездонные темные глаза на бледном лице и попыталась что-то сказать синими от холода губами.

— Держись, — лязгая зубами и стараясь не наглотаться воды, попыталась подбодрить её я. — Сейчас вытащу!

Сказать оказалось легче, чем сделать. Точнее, на мелководье-то я ее отволокла без проблем, а вот вытянуть на берег не смогла. Кроме мешка на спине на ней был тяжеленный меховой плащ, который намок и стал неподъемным. Из дорогушей чернобурой лисы, которую я видела раз в жизни, в виде фрагмента на парадной муфте жены Хрунича, Хрущихе. Такое бросать было жалко. Поэтому я, недолго думая, отвесила девице пощечину. Лилейная щека разом покраснела, темные глаза возмущенно распахнулись.

— Ты! Давай цепляйся за меня и переставляй ноги, а то мне тебя не вытянуть!

По-моему, она попыталась стукнуть меня в ответ. Но была слишком вялой, чтобы попасть. Зато я смогла поднырнуть под поднятую руку, дернуть к берегу, а потом еще и подтолкнуть. Ох, надо торопиться! Сама уже ни рук, ни ног не чувю!

До пещеры я дотащила ее чисто на упрямстве и злости. Еще и сама одеваться не стала, чтобы не мочить вещи. Ведь явно эту леди придется переодевать, а то очочурится. И самой в мокром сидеть на таком холоде — верная смерть.

Свалила свою ношу в углу и кинулась переодеваться. Девица снова провалилась в беспамятство, так что я на нее внимания решила не обращать. Всяко тут теплее, чем в реке. Ни ледяной воды, ни ветра. Растерла себе руки, ноги, поменяла рубашу на сухую, натянула

свои порты с вышивкой, и еще одни — шерстяные — сверху. Потом теплый свитер. На ноги надела чулки и снова сапоги. Замотала платком голову, снова порадовавшись, что волосы остались сухими.

Так, а дальше-то что? Заниматься утопленницей или приволочь дров? Одна бы я и так переночевала, но эту же нужно согреть! И попробовать вскипятить для леди хоть флягу тайры с малиной. В том, что спасенная — леди, я не сомневалась ни капли. Кожа на лице была белей лепестков лилий, черты лица чисты и изысканны, руки крупней моих ладошек, но с тонкими пальцами с перстнями на них. Эх-х... потерпит немного — пойду за дровами. Потом станет темно — фиг чего найдешь.

Матерясь под нос всеми теми словами, что запрещала мне произносить Тин, приволокла с берега четыре длинных, относительно сухих лесины. Погода тем временем испортилась совсем — ветер снова сменил направление, и начался настоящий буран. Сейчас бы мне эту девицу в реке нипочем не разглядеть!

Подпрыгивая от холода и ругаясь, как пастух Фролка, заметивший, что коровы опять забрели на старостину делянку с бобами, кое-как наломала дров. Сложила внизу сосновые ветки потоньше, а поверх них шалашиком сучья потолще. Лесинам предстояло подсохнуть и быть использованными, когда костер разгорится.

Огнива с собой я не брала. За ненадобностью. Вот и сейчас повернулась спиной к лежащей бесформенной кучей у стены деве, потянулась к своей снежной поляне и велела дровам загореться. Ага! Вспыхнули! А сколько б я со спичками или огнивом морочилась?

Так. Теперь надо заняться этой. Первым делом слезила к себе в мешок — посмотрела, что еще сухого у меня есть. Две пары порток, полосатые шерстяные чулки, теплая туника, шапка и плащ. Платье не дам — оно у меня одно! Шапку тоже жалко на мокрую голову ей надевать — испортится! Может, башку второй туникой замотать? Ладно, по ходу дела разберусь.

Вот как парни в романах благородных дев на руках носят? Мне попалась какая-то неподъемная. Пока отцепила от нее мокрый вещмешок и сняла плащ, прокляла все на свете. Могла бы, кстати, прийти в себя и помочь!

Плащ, с которого вода бежала ручьями, я распялила на лесинах, закрыв вход в наше убежище. Пусть от сквозняка защищает — хоть какой-то толк от него будет! Мешок просто отставила в сторону — не мое дело, что там.

Под плащом обнаружилась хитро скроенная темная куртка из мягкой шерсти с блестящим кантом на рукавах и груди. И шерстяные же штаны. А почему не юбка? Хотя понятно — если ржание мне не приснилось, она ехала верхом. Интересно, а сколько ей лет и как зовут? Красивая. Волосы длинные, темные, до талии. Плечи узкие. Ноги длинные. Наверное, она все же на пару лет старше, чем я. Вряд ли больше — формы еще не развиты. Хотя, может, леди так и положено?

Пока размышляла, перевернула ее на живот и за рукава стянула куртку. Блин! Хоть отжимай! Кстати, а выкручивать-то ее можно? Или потеряет форму и надо сушить осторожно, на вешалке? Отложила в сторону — позже разберусь. Потом стянула сапоги и носки. Ступни холодные, как лед. Длинные и узкие. Вот Тин говорила, что пальцы не должны быть враспырку, наверное, надо как у этой, — один к одному, аккуратненькие, ноготки, как лепестки жасмина. И ни одной мозоли!

Нательная рубаха оказалась шелковой. Ну, я так подумала, уж больно нежной и гладкой на ощупь она была. Опять потянула за рукава. Посмотрела на узкую спину, светлевшую в

полумраке. И быстро напялила на голову девице мою шерстяную тунику. Кое-как выкрутила руки, просунув их в широкие проймы. Одернула. Потом разотру ей под туникой спину — а то на рыбу похожа. Мокрая и холодная.

Прервав процесс переодевания, подкинула дров. И приставила к камню рядом с костром свою металлическую флягу — пусть греется. Отжав шелковую рубашку и кое-как накинув на выступающий из стены валун для просушки, вернулась к своему трофею. Теперь надо сменить штаны, вытереть голову, растереть ноги, надеть чулки, перекатить к костру поближе и укутать в плащ. Как нагреется вода, напоить микстурой от простуды и горячим. А дальше — как повезет.

Вообще, если честно, спасать я никого не рвалась. Единственным добрым человеком, которого я видела в жизни, была Тин. Остальные... ну, да лучше и не вспоминать. Но сейчас было чувство, что Тин одобрила бы то, что я делаю. И потом, моя мама когда-то тоже чуть не утонула...

Но интересно, почему она оказалась в реке? Наверное, из-за какого-нибудь гада мужика. Может, он ее соблазнил и бросил, а она пошла топиться? Ага, вместе с лошастью... А тогда что? Тогда соблазнил, бросил, а когда она стала молить о любви, заманил к реке и попробовал утопить! Как ни крути — все равно ее жалко.

Под шерстяными штанами оказались шелковые же портки свободного кроя длиной почти до колен. Мм-м... Как-то я по-другому представляла панталоны, о которых рассказывала Тин. Или они разные бывают? Ладно, берусь по бокам и тащу мокрый изыск моды долой. Мои штаны должны подойти — белый зад выглядит почти плоским, и бедра узкие. Хихикнула — в Зеленой Благодени на эту красотку никто б и не польстился, у нас уважают пышные формы.

Натянула на голые ступни мои чулки. Так удобнее, чем потом их подпихивать под штанины.

Тело по-прежнему лежало на животе. Почему-то так казалось удобнее. А может, я боялась, что она снова распахнет бездонные глаза и увидит, как я стаскиваю с нее одежду. Мало ли что подумает? Я ж сейчас как мальчишка одета. А так лежит себе и лежит. Вполне сподручно. Подхихкивая, согнула ногу в колене, продевая в штанину. Кстати, вот и растирание будет — шерсть-то колется! Прдела вторую, дотянула порты до бедер и потащила выше, на талию. Штаны почему-то не налезали. Вроде, по ширине проблем быть не должно — проходит. А что тогда? Сунула руку под живот, чтобы понять — может, завязки за какой выступ на земле зацепились? — и застыла. Штаны и впрямь зацепились. Только не на земле. Моя рука наткнулась на холодное и мокрое внизу живота моего трофея.

Оцепенела — это как же? Я же спасала девушку! Лицо без волос, длинные локоны, нежные черты... Выдернув руку из-под живота, рывком перевернула тело на спину. Вот тролль криволапый! Сморщенное, маленькое, но сомнений нет — леди оказалась лордом. Поддернув штаны до талии, неласково сунула ему под голову сухую тунику. И прикрыла плащом.

От обиды хотелось плакать. Знала бы, что мужик, — нипочем в воду не полезла! Вот дура! Вытащила, приволокла, раздела догола и всего еще и ощупала! Хуже дохлой лягушки! Противно до тошноты! Встряхнула правой рукой, чувствуя себя грязной. Выругалась и потопала наружу — пока не вымою, не успокоюсь. Только вот в такую заметь до реки не дойду, но надо ладонь хоть снегом обтереть. Гадость!

Обратно вернулась злая, как линяющая гадюка. Для себя решила: раз уж Лариша так

пошутила, помогу ему, чем смогу. Но в голове крутились последствия — одежда испохаблена, теперь придется со щелоком стирать, иначе нипочем носить не стану. А еще непонятно, как ночевать. Снаружи ощутимо похолодало — я без плаща или простужусь, или просто к утру околею. А не заснуть не получится — хватит того, что прошлую ночь провела на ногах и не спала.

Значит, сейчас развешу, как смогу, одежду этого уroda. Пусть сохнет. Чтоб мои вещи вернул! Сама перекушу поплотнее. Глотну горячего. Потом его напою. Устроюсь с другой стороны костра — вместо плаща можно использовать подол нового платья. Жалко до слез — а что делать?

Парень — и в каком затмении я его, с таким решительным подбородком, приняла за девицу? — пришел в себя ненадолго, когда я заставила его открыть рот, чтобы сначала влить глоток микстуры от простуды, а потом горячей тайры, которую заварила прямо во фляге. Закашлялся. Попытался выплюнуть то, что я дала. Я в ответ зажала ему нос, заставив проглотить.

Потом села недалеко, так, чтобы костерок грел бок, и стала грызть полоску вяленого мяса. Дурацкая ситуация. Понесло меня... Единственно, даже если этот тип придет в себя, мне ничего не грозит. Он один, а на мне портки с заговором от Тин. Сунув свой мешок под голову, укрылась юбкой и попробовала уснуть. Не жарко. Ну и пусть! Это я у Тин разбаловалась. А до того и не на таком холоде спала.

Когда снова открыла глаза, было почти темно. Костер прогорел до углей. Брр! Колотунто какой! Неужели вслед за бураном с Северного моря хлынула волна ледяного воздуха? Рано же в этом году зима пришла. Подумав, сунула руку в мешок, достала оттуда вязаную шапку с меховой оторочкой и натянула на голову поверх платка. Встала. Потянулась. Первым делом костер, потом — все остальное. Хорошо хоть дрова за ночь подсохли.

Как только язычки заплясали вокруг толстого бревна, посмотрела туда, где вечером положила его. Лежит. А глаза открыты, смотрит на меня. Чего это он? Не поняла, приветствий, что ли, ждет? Не дождется.

Потянулась к теплой фляге у костра.

— Где я?

Голос хриплый и совсем не женский. Мм-м. Ну и мне нечего пищать.

— В пещере, — прокаркала в ответ.

— Как я сюда попал? И дай попить, я тоже хочу.

— Я вчера поймал тебя в реке, помнишь?

Ответом мне стал наморщенный лоб. А какого цвета у него глаза? При свете костра не разберешь, видно только, что темные. И ресницы, как у девицы. Лордик, одно слово. Был бы лордом, выплыл бы сам. Или вообще бы в реку не свалился.

— Вспомнил. А ты кто?

Протянув флягу, сообщила:

— Тим. А ты кто?

Он сделал несколько крупных глотков и положил флягу рядом с собой, и не подумав вернуть. А вопрос проигнорировал, будто не услышал.

Вот интересно, я должна его лечить? Не знаю. Не хочется. Но попробую:

— У меня есть микстура от кашля и орехи с медом. Будешь?

— Давай.

И никакого спасибо. Типичный мужчина. Другим словом, сволочь.

— Ты куда ехал или шел?

Задать этот вопрос я была должна. Как наладится погода, мне надо двигаться дальше. А дарить этому гаду кучу своих вещей я совсем не хотела. С какой радости?

— Не твоё дело.

И отвернулся, встряхнув волосами.

Вот так тип!

Достала из котомки микстуру и ореховую плитку. Пока копалась в сумке, он пялился подозрительным взглядом. Ага! Вчера я за ним в реку нырнула, а сегодня травить собралась. Точно, мозговая горячка. Вздохнув, хлебнула из пузырька сама — здоровой после холодной ночёвки я себя не чувствовала. Потом встала, отдала ему лекарство и еду, а флягу забрала. Нёфига. Моя. И предупредила:

— Горькая.

— Выдержу, — глотнул, скривился. Потом будто замялся.

— Тим, это ты меня вчера переодел?

— Я.

— Ты меня трогал?

Захлопала глазами. Это он что имеет в виду? То самое? Да за кого он меня принимает?! Но спрашивает серьезно. Отвечу так же.

— Само собой, трогал. А как снять и надеть одежду, не прикасаясь? Или надо было в мокром оставить, чтоб к утру ты окочурился от холода? Кстати, как твоё высохнет, верни мне мои вещи. У меня их не очень много.

В ответ он хмыкнул. Сволочь.

Подкинув в костер еще один обломок плавника, занялась инвентаризацией. Ага, его шелковые порты и нательная рубашка почти высохли. Правда, на ощупь холодные, как тающий снег. Ничего, переложу к костру поближе, досохнут. А вот куртка и штаны слишком плотные, этим надо намного больше времени. А плащ на лисьем подбое — вообще кискины слезы, до сих пор вода капает.

— Ты коня не видел? — оторвал меня от мрачных раздумий холодный голос.

— Слышал вроде ржанье минут за десять до того, как заметил в реке тебя.

— Значит, Прибой может быть жив. Это хорошо...

Ну, хоть какие-то человеческие эмоции, и хоть что-то ему хорошо.

— Ты! Посмотрел бы свой мешок. Я его не трогал, вон стоит.

Парень нехотя перевел взгляд на рюкзак в луже у стены.

— Ничего страшного, ничего невозможного.

Хорошо быть богатым!

Бросив неодобрительный взгляд на черноволосого упыря, потопала к выходу. Надо ж понять, утро сейчас или вечер. И чего ждать от погоды. А заодно посетить ближайшие кусты и набрать во флягу воды.

Я еле успела вернуться из сосняка, когда он высунулся из пещеры. Идиот! С непокрытой недосохшей головой. Хотя это ж его голова — ему виднее. Посмотрел на ведущие от реки борозды, полузанесенные снегом.

— Это ты меня волок?

Дурацкий вопрос. Даже отвечать не стану. Фыркнула и пошла за водой. Оглянулась. Черноволосый выбрался на холмик перед пещерой, поднес два пальца ко рту и пронзительно

свистнул. Прислушался. И свистнул опять. Постоял и снова скрылся в расщелине.

К тому моменту, как я вернулась, он переоделся.

Я икнула — ну прям тот призрак, которого я так и не встретила на кладбище. Бледная рожа, длинные патлы, просторная светлая рубаха до середины бедер. И — не выдержав, заржала в голос — вместо штанов мои полосатые шерстяные чулки. Да, это зрелище я по гроб жизни не забуду. Как и сердитые глаза, когда он услышал мой хохот.

— Что смешного?

— Ничего. Старую шутку вспомнил, — соврала, отворачиваясь.

— Штаны еще не досохли, — сообщил он, садясь и накидывая на плечи мой плащ.

Я подпихнула флягу ближе к костру и вздохнула:

— Пришла волна холодного воздуха. Сегодня ночью должен ударить сильный мороз. Может, даже река встанет. Зато завтра потеплеет, можно будет трогаться в путь.

— Откуда знаешь?

— Живу я тут.

Гм-м. А у него в сумке еды нет? Что-то меня опять обуял приступ жадности. Какого тролля я должна кормить этого безымянного?

Отсев к стенке, сложила кренделем ноги, соединила ладони и начала медитировать — все равно делать нечего. С этим не поговоришь.

Сидела долго, пока из созерцательного состояния меня не вырвал холодный голос:

— А мы где?

— Недалеко от моста через Зану. Примерно в дне пути к югу от Китового Киля. И в паре дней от Рианга в другую сторону. Если пойдешь к Риангу — не ночуй в трактире.

Советов я давать не хотела, но предупредить казалось нужным.

— Что так?

— Меня там день назад чуть не убили.

— Понятно.

И замолчал.

Я полезла в сумку, за очередной плиткой орехов и куском вяленого мяса. Вздохнув, достала кинжал и разрешила то, что вынула, пополам. И протянула ему. Не жевать же одной? Но все же — что у него в сумке? Или лорды провизию с собой не возят? А что тогда? Три пары шелковых подштанников про запас?

Несмотря на горящий костер, в пещере ощутимо похолодало. А когда снаружи стемнело, и вовсе начался колотун. Тролль горбатый! Ведь простужусь так, что буду как старая ревматическая бабка ходить! И все из-за этого безымянного уroda! Ну, я и зла!

— Тим.

Запомнил, как меня зовут?

— Чего тебе?

— Иди сюда. Ты свой плащ мне отдал.

Ага, какая наблюдательность! Заметил-таки!

— Не хочу. Ненавижу, когда меня трогают.

— Тогда забери плащ.

Что-то новое. Чего это с ним? Простудился? Перегрелся? Фыркнув, закуталась в юбку и отвернулась. Пусть идет лесом. Потом, не обращая на него внимания, подкинула дров, свернулась на земле калачиком и попробовала уснуть. Закрыла глаза и стала думать, что сейчас делает Тин? Наверное, уже вернулась домой. Затопила печь, разогрела ужин.

Интересно, вспоминает она меня? Как бы мне хорошо было сейчас там, на моей кровати за печкой...

Проснулась оттого, что кто-то пихнул меня в бок. Оказалось, парень вместе с плащом перебрался на мою сторону костра и лег сзади, грея мне спину. И теперь от груди до бедер мы оба были кое-как прикрыты двойным подолом юбки, а поверх него, от шеи до пят, укутаны теплым плащом. Черноволосый тихо дышал мне в ухо. Замерз сам или пришел греть меня? А фиг знает. Но спине было тепло. Зевнув, опять закрыла глаза.

Снова проснулась уже на рассвете. Он спал спокойно, в той же позе. Повернула голову так, что мы оказались нос к носу. Чудно как — лесом пахнет. Станный какой-то. Его рука поползла по моему плечу, обняла, притягивая. Ага, а вот такого мне не надо. Еще немного, и ладонь съедет на грудь. Хоть выпуклости у меня и выпуклостями-то не назовешь, но понять, что я не мальчик, всё же можно. Осторожно отвела его руку и тихо встала. Ну-ка, что там снаружи?

Снаружи было тихо и ясно. С черного еще неба мерцали колючие звезды, ветер стих. Река темной лентой тянулась меж белых, словно сахарных, берегов. Понятно. Еще не встала, но у берега схватилась ледком. Но вроде бы немного потеплело? Или это кажется, потому что ветра нет? Как бы то ни было, мне пора в дорогу.

Вернувшись, подкинула в костер последние поленья, заставив огонь разгореться живым жарким пламенем. И стала собираться в путь. Потом растолкала его.

— Мне пора уходить. И еда с дровами кончаются. Ты остаешься тут?

— Ты куда идешь? В Китовый Киль?

— Да.

— Тогда я с тобой. Я вчера звал коня — он не услышал. Надеюсь, с ним все в порядке.

М-да. Похоже, единственное существо, к которому привязан этот тип, — его конь. За два дня ни одного упоминания о людях. Мужчина, одно слово.

Оказалось, черноволосый уже одет в свои штаны и куртку — все же за полтора дня те просохли. Зато лисий плащ не сдался — был по-прежнему влажен и неподъемен. Впрочем, мне-то что — не я ж его поволоку?

Выпив на дорогу горячей тайры и дожевав ореховые плитки, собрали вещи. Тунику и штаны мне вернули, а вот полосатые чулки он оставил на ногах. Интересно, он хоть понимает, что они — женские? Хотя это — тоже не моя печаль.

Так, а плащ как делить будем? Без него же холодно! Вздохнув, стянула с головы шапку и протянула ему. Можно сказать, от сердца оторвала. А этот гад взял ее двумя пальцами и осторожно так, как что-то тухлое и дохлое, поднес к носу. Кивнул, и тогда уж натянул на темечко. А потом осведомился:

— Мелисса лимонная?

Теперь обалдела я. Это был мой любимый травяной запах, и настойкой мелиссы я полоскала голову всякий раз после мытья. И в последний раз, когда Тин помогала мне мыть волосы, она тоже накапала в воду эссенции мелиссы. Но откуда такое знает парень?

Кивнула в ответ. И, набросив на плечи свой плащ, шагнула к выходу.

По пути к дороге он приотстал. Оглянулась — стоит к кустам лицом, ко мне задом в характерной позе. Значит, не отморозил. Жаль.

Выбралась на тракт и, не оборачиваясь, бодро потрусила вперед. Идти было трудновато

— снега на дорогу намело выше щиколотки. Но если я угадала с погодой, то днем это все начнет таять и превратится в грязную слякоть. Так что надо пройти сейчас столько, сколько можно.

За спиной послышались шаги — он меня догнал.

— Есть еще одна шерстяная туника и штаны... если хочешь... — кинула я через плечо.

— Обойдусь. Не холодно.

Ну, навязываться я не собираюсь. Кстати, только сейчас в голову пришло — парень явно знатный лорд. Как же вышло, что никто, ни одна живая душа его не искала?

Через три часа икры у меня горели, будто их огнем жгли. Ноги сводило. Сейчас мы шли по ложине, и снег тут был глубже, почти по колени. Надеюсь, хоть движемся в правильную сторону. Во всяком случае, под ногами дорога и идем на северо-запад. Но вокруг — ни души... Что мы тут потеряли? Может, этот Китовый Киль давно вымер?

Вздыхнув, тихо замурлыкала под нос песню про деву, ставшую ручьем. Мотив лился сам собой, помогая идти и поднимая настроение, — уже на втором куплете я почувствовала, что начала улыбаться. А потом услышала, что он подпевает мне из-за спины приятным баритоном. Я сразу же захлопнула рот. Ни к чему такое.

— Почему ты замолчал? — послышалось сзади.

Я не ответила. А что скажешь? Сообщить с ходу, что ненавижу поголовно всех мужиков и что Тин как-то обмолвилась, что часто пела дуэтом с человеком, который ее вроде бы любил, а потом продал за пять монет? Так что просто в очередной раз фыркнула и ускорила шаг.

К вечеру мы падали с ног. Зато местность перестала быть такой дикой. Волглые логи, каменистые холмы, редкие перелески сменились полями, на краю которых стояли приземистые, прибитые ветрами к земле, домишки. В паре дворов даже бегали куры и возились какие-то люди. Была б одна, может, подошла бы и спросила, далеко ли еще до города. Но показывать слабость при нём не хотела, — уж больно мне этот черноволосый не нравился. Наконец он окликнул меня сам:

— Так и будем чесать как заведенные? Может, хоть сеновал поищем для ночлега?

М-да. Хорошая мысль. Кажется, мы шли по снегу намного медленнее, чем вышло бы по сухой дороге... вот никуда и не пришли.

Мы свернули к первому же сараю, показавшемуся нам похожим на сеновал. Следов на снегу не было, похоже, хозяева сюда заглядывали не часто. Дверь запиралась на щеколду без замка, так что внутрь мы проникли без труда. И разочарованно вздохнули — стены светились щелями, а сена на полу было немногим выше колена. Переглянувшись, дружно стали сгребать его в один угол. Ага, Мири, сбывлась девичья мечта — предстоит тебе ночевка с лордом на сеновале! Тихо выругалась под нос и полезла в мешок за последней заначкой — куском вяленого мяса.

В этот раз я сама обняла его со спины — мне показалось, что так безопасней. Он не возражал. Наверное, сил не было. Да, весь день он не жаловался, просто шел следом, но сейчас рядом со мной лежала продрогшая ледышка. Вздыхнув, прижалась теснее. Потом поймала теплыми ладонями его заочневшие пальцы и начала растирать. Сначала одну руку, потом другую. Хоть и парень, а все ж человек. И почему-то думалось, что Тин его бы тоже пожалела.

Наконец, обняв его поперек живота, прижалась щекой к спине и уснула.

Утро разбудило меня мышиним писком и капелью. Потеплело, и выпавший накануне снег быстро таял. А мы в темноте выбрали неправильный — дырявый — угол. Ледяная вода несколько раз прицельно капнула мне за шиворот, прежде чем я поняла, в чем дело. Выругавшись, встала на четвереньки и поползла прочь, чтобы обнаружить, что крыша тут ничем не лучше стен — а потому льет везде. Убедившись, что мой спутник, невзирая на природные катаклизмы, еще спит, бодро потрусил за сарай. Потом вернулась и начала собирать вещи, пока все не утонуло в большой луже. Сколько соломы, оказывается, может прилипнуть к одной-единственной мокрой лисьей шубе! Просто удивительно! Хорошо, что у меня на голове платок, и вся эта труха в волосы не попала. А черноволосому упырю повезло меньше — выглядит родным братом своей шубы. Вот интересно, в город нас в таком виде пустят?

К воротам Китового Киля мы добрались к обеду. Голодные, с мокрыми ногами и хлюпающими носами. Стража у ворот поинтересовалась — откуда и куда нас, таких красивых, принесло. Тут мой спутник выступил вперед, бросил несколько слов, и началась суета... Я, воспользовавшись случаем, проскользнула мимо гвардейцев, прибавила шагу и свернула в первый же переулок.

— Тим! — раздалось за спиной.

Ну и что ему надо? Специально ведь ушла, чтоб не ставить его в неприятное положение с ненужным прощаньем. Встретились без любви, разойдемся без печали. Обернулась с вопросительным выражением на лице.

— Сколько я тебе должен?

Хороший вопрос. Сколько за то, что, не раздумывая, прыгнула в ледяную реку? За то, что возилась с ним? И за то, что прошлой ночью грела его ладони?

Набывшись, посмотрела в темные глаза:

— Нисколько.

— Почему?

— Потому что я не продаюсь. Прощайте.

— Ты не хочешь узнать хотя бы мое имя? Если будет что-то надо, я помогу.

Гы. Имя. Помнится, вначале я хотела познакомиться. А он даже не ответил. Не снизошел.

— Не хочу. Вряд ли мы встретимся еще. У нас разные дороги. И да, лорд, полосатые чулки никому не показывайте. Они женские.

Повернулась и пошла прочь. Ясен ведь пень, что посередь улицы он сапоги с себя не потащит, а значит, и чулок моих мне не видать. А брать от него деньги было как-то противно. Я к нему не нанималась.

Так, значит, куда мне тут? Первым делом надо выбраться из переулка. Тин строго-настрого наказывала в трущобы не соваться: по ее словам, там было хуже, чем в глухом лесу. Могут и ограбить, и убить. Что такое трущобы — я представляла довольно смутно, но решила не нарываться. Значит, выбираюсь назад, на большую улицу и спрашиваю у кого-нибудь, как пройти к ратуше. Там должны знать, где находится школа для магически одаренных детей, и указать к ней дорогу. А вот что будет в школе, я боялась даже предположить.

Живот требовательно заурчал. А вот фиг тебе, утроба ненасытная! Сначала дела, а остальное — потом. А то вдруг я уже опоздала или вот-вот опоздаю?

До ратуши я добралась не так быстро, как рассчитывала. Этот город оказался намного, несравненно больше Рианга. Сложенные из серого камня дома на центральных улицах были высотой в четыре-пять этажей, а на уровне земли, за широкими окнами, располагались магазины. Иногда я даже и не понимала, чем именно торгует то или иное заведение. И публика ходила по улицам такая, что я все время ловила себя на желании открыть рот. Например, в двух дядьках с меня ростом с широченными плечами и бородами ниже пояса я опознала гномов. Выходит, это не сказки? А кто тут еще есть? Вон тот высокий светловолосый с пронзительными голубыми глазами и топором на длинной рукоятке за плечами — это образчик местной популяции или же настоящий викинг? Все же, подобрав волевым усилием челюсть, я потопала по маршруту, который мне подсказала сердобольная тетка с корзиной. И вскоре оказалась на большой площади, в центре которой высился каменный трехэтажный дом с затейливой крытой красной черепицей остроконечной крышей и парой башен. Одну украшали здоровенные часы, а на верхушке второй крутился флюгер с парусником. Ага, вот и ратуша! Ой, а время-то уже четыре часа... И, кстати, какой сегодня день недели? Как-то я об этом и не подумала. Может, все закрыто? Но вроде нет, вон народ заходит.

Поднявшись по лестнице, неуверенно потянула на себя тяжелую темную дверь, окованную позеленевшим металлом. За ней обнаружился коридор, по которому сновали люди. Все взрослые и одеты богато, не чета мне.

Вспомнив наставления Тин о том, что в любом учреждении больше любого чиновника знает его секретарь, пошла искать этого самого секретаря, руководствуясь объяснениями наставницы, что опознать нужного мне человека можно по наличию большого письменного стола с кипой бумаг на нём. В коридоре никаких столов не обнаружилось. Получалось, надо заглядывать в комнаты. Посмотрев на мокрые грязные следы, которые неровной цепочкой тянулись за мной по полу и на заляпанную грязью влажную полу своего плаща, оробела. Вот что я — сирота безродная — делаю в таком месте? Сейчас меня выгонят — и всё. Но я обещала Тин сделать, что смогу... И если не попробую, обману её и век буду жалеть сама.

Набравшись смелости, постучалась в ближайшую дверь. Никакого ответа. Постучала еще раз, посильнее. И услышала: «Ну, кто там? Входите!»

Приоткрыв створку, сунулась в щель и увидела недовольного краснорожего дядьку, сидящего за почти пустым столом. Это секретарь или нет?

Поклонилась:

— Здравствуйте.

— Мальчик, ты что тут потерял? Иди отсюда! — небрежным жестом хозяин стола

указал мне на дверь.

— Я хочу спросить про магическую школу, — собралась с духом я.

— Чего? Школу? Это не для оборванцев! Пошел вон!

Я ретировалась назад, в коридор. И что теперь? Тин говорила, что в ратуше надо проявить настойчивость, чтобы добиться своего. И добавила, что если я не позабочусь о себе, то и никто другой делать этого не станет. Значит, надо пробовать еще.

Только в третьем кабинете какой-то русоволосый молодой человек, перед которым действительно лежала кипа бумаг, объяснил мне, куда идти. Оказалось, школа находится на западной окраине города. Он даже написал мне адрес. Правда, есть ли там прием, он не знал. Зажав в кулаке бумажку, я выкатилась на улицу.

Мне хотелось задержаться, осмотреть город, почитать объявления на стене ратуши, — больше всего меня интересовало, ищут ли еще тут Тин? Но часы показывали уже без двадцати пять, и я боялась, что не успею добраться до нужного места до темноты. Сориентировавшись по сторонам света, потрусилась по улице, ведущей в нужную сторону.

Через полчаса я поняла, что придется притормозить и где-то поесть. Иначе упаду. Демоны б искусали за тощий зад этого черноволосого! Сожрал весь мой провиант! Кстати, вот если б он предложил мне не деньги, а покормить обедом — я бы приняла предложение? Наверное, все равно нет, какой бы голодной ни была. Он — мой враг по определению. Один из моих врагов. Волки и зайцы не дружат. Но то хотя бы был дружеский жест. А не так — кивок свысока. Всё, нечего об этом вспоминать. Пути разошлись.

Нашарив в кармане несколько медяков, начала оглядываться — где-то же тут съестным торгуют? На другой стороне улицы над большой харчевней поскрипывала вывеска с вырезанными на ней двумя рыбами, но идти туда я не хотела — и потому, что боялась, и потому, что думала, что еда в таком заведении стоит дорого. Может, тут есть уличные лотки, как в Рианге? Мне бы какую булку или пирог, и хватило бы.

Мне повезло через три перекрестка, когда я увидела укутанную по глаза женщину с большим коробом через плечо. От тары поднимался пар и шел аппетитный запах выпечки. Через минуту я разжилась большой пухлой булкой с маком и маленьким пирогом с рыбой, оба всего за один медяк, и кучей наставлений о том, куда мне идти. Тетка оказалась говорливой донельзя. Я показала ей бумажку с адресом, и началось... Оказалось, мне надо было свернуть на предыдущем перекрестке направо, потому что эта улица дальше поворачивает, так как упирается в овраг, названный в память Косой Марты, которая тут то ли заблудилась, то ли утопилась, когда шла на свидание к своему хахалю. С темы хахаля торговка плавно свернула на нравы нынешней молодежи, дороговизну трески в этом году, потом зачем-то сообщила, что обозы с дровами придут в город, как только установится надежный санный путь. Я, чувствуя, что офигеваю от водопада слов, потянула на себя полу плаща, в которую женщина вцепилась, удерживая меня на месте. Вставить хоть слово возможности не представлялось, поэтому я просто начала пятиться назад, непрерывно кланяясь. Тетка с сожалением выпустила мой плащ:

— Какой вежливый молодой человек! Как же приятно было поговорить с интересным собеседником!

Она это серьезно, да? После того, как показала записку, я не произнесла ни одного слова!

Уминая на ходу булку, вернулась к предыдущему перекрестку. Направо? Побежали... Эта

улица была уже и тоже круто загибалась, но вряд ли бы меня стали нарочно посылать непонятно куда? Вот встречу какую-нибудь женщину — попробую спросить.

Булка закончилась. Пирог тоже. А вот перетекающие друг в друга кривые улицы продолжались и продолжались... да куда ж я бегу? Я уже решила, что снова потерялась, и была на взводе, когда наконец за очередным поворотом увидела серый высокий забор обособленно стоящего массивного здания. Обрадовавшись, припустила к воротам, рядом с которыми топтался одинокий мужик мрачноватого вида.

— Дяденька, здравствуйте!

— Чего тебе, малец? — мужчина, достав меч, заступил вход.

— Пустите меня! Мне внутрь надо! Пустите, пожалуйста!

— Зачем?

— Учиться хочу!

— Чему учиться?

— Всему! Чему тут учат!

Мужик озадаченно почесал затылок под шапкой. А потом захохотал:

— Ты куда пришел?

— В школу магии!

— Вот я так и понял! Мой сменщик говорил, что с утра двух таких, как ты, еле отшил! А я не поверил! Школа в паре кварталов впереди, в самом конце улицы. А это — городская тюрьма!

Неудобно-то как! Утешало только, что не я одна такая умная. И что бегу в правильном направлении. Вот только успею ли? Уже смеркается, вдруг школа закрыта до завтра? Куда я тогда денусь? И какой, кстати, сегодня день недели? Хотя есть более важный вопрос: какое сегодня сентября — восьмое или девятое? Стала считать на пальцах — запуталась, сбилась. Стала считать опять... Кажется, восьмое. Значит, сейчас четверг.

Пока занималась арифметикой, не заметила, как улица закончилась. За тупиком с широким разворотом тянулся высокий забор, сложенный из серого нетесаного камня, из которого в Китовом Киле строили всё. За оградой росли деревья. Что дальше, было не разглядеть.

Рядом с массивными полукруглыми воротами в стене виднелась узкая калитка. Туда я и направилась. И оказалась в небольшой проходной комнатке, где на стуле, вытянув скрещенные ноги, сидел зевающий парень. А над плечом у него висел небольшой магический светлячок.

Точно, мне сюда!

— Аа-а, новенький! — приветствовал он меня, не задавая вопросов. — Иди прямо до учебного корпуса. Если поторопишься, успеешь на собеседование сегодня. Комната 2-Бб, понял? — и уткнулся носом в книгу.

Собеседование? Поторопиться?

— Спасибо! — поддернув лямки мешка, от тяжести которого уже гудели плечи, толкнула вглубь, ведущую на территорию школы, дверь и порысила по гравиевой дорожке к громаде здания, смутно видневшегося впереди.

Вестибюль меня потряс — огромный, гулкий, с колоннами и тонущими в сумраке углами. Потолок высокий, не рассмотреть. На полу черный и белый камень, ровно уложенный квадратами через один — черный, белый, черный, белый... А на стене висит

настоящее большое зеркало! Вот они, роскошь и власть! Такого даже в ратуше не было. Подойдя, вылупилась в стекло. Ой! У меня же все лицо полосатое! Видно, как утром грязным рукавом на том сеновале утиралась, так весь день и хожу! Плюнув на рукав, начала быстро приводить себя в порядок. Ну вот, теперь вроде ничего. А сейчас надо искать, где это — 2-Бб? Может, кто-то подскажет?

Хотя что я? Прикрыла глаза и попробовала почувствовать, в какой стороне люди. Тут это было трудно, как расслышать слова сквозь завывание ветра. Наверное, так потому, что здесь много магии? Но я поняла, что нужно подняться на второй этаж и пойти направо — там кто-то есть. Лестница нашлась быстро. А из двери нужной мне комнаты падал в коридор луч света. Набрав побольше воздуха в грудь, зажмурилась, вознесла молитву Ларише и толкнула дверь.

Войдя, огляделась. Похоже на кабинеты в ратуше — в середине стол, а за ним сидит одетый в темное мужчина с суровым лицом. Перед ним какие-то бумаги, подсвечник с тремя горящими свечами, а еще большой, в ладонь диаметром, прозрачный шар на подставке в виде когтистой лапы.

— Добрый день, — поклонилась я с порога. Он — маг, так что всяко выше меня, и кланяться я должна.

— Вечер, — отрезал мужчина. — Подходи, клади руку на шар.

Интересно, это зачем? Я думала, меня спрашивать о чем-то будут... Но если так надо...

Подошла и неуверенно притронулась пальцами к шару. Потом, видя, что ничего не происходит, накрыла его ладонью.

На секунду показалось, что внутри что-то мелькнуло, а потом сфера снова стала прозрачной.

— Дара нет, — равнодушно уронил мужчина. — Если в коридоре есть кто-то еще, пусть заходят.

Это как? Нет Дара? Но ведь Тин говорила! И я знаю сама — я вижу потоки, я умею колдовать! Застыла, уставившись в острое, как топор, лицо мужчины. Наверное, я ослышалась?

— Что стоишь? Вон! — Щель рта захлопнулась.

— Нет! У меня есть Дар!

— Шар не лжет. Вон!

Я, чувствуя, что задыхаюсь от волнения и обиды, уставилась в равнодушное лицо с закрытыми веками. Он даже не смотрел на меня, будто я и не существовала. Но что мне делать, если меня не возьмут? Ведь сомнений в том, что я буду учиться, если доберусь до школы, у меня не было. А теперь что? Одна, в чужом северном городе накануне зимы? И, главное, я ХОЧУ быть магом! В жизни ничего так не хотела!

Решение пришло само собой. В простенках между окнами были укреплены три подсвечника, по две свечи в каждом. А еще три — на противоположной стене. Топнула ногой — что мне терять? — представила снежное поле, зачерпнула из самого яркого потока — их тут было много — и произнесла громко: «Пирандис шхфтarr ориатэ риз!»

Свечи на стенах вспыхнули.

— Вот! — уставилась я на топороголового, которого успела возненавидеть за прошедшие две минуты на всю оставшуюся жизнь.

— Что вот?! Во-о-он!!! — рявкнул он в ответ.

Сложно сказать, что я бы сделала дальше, но тут послышался новый голос:

— Лорд Блие, какие-то проблемы?

Я оглянулась на вошедшего. Еще один такой же. Черная одежда, темные прямые волосы ниже плеч, серые глаза, строгое спокойное лицо. Пришел помочь меня выгнать?

— Лорд Йарби, вы здесь? — в голосе прозвучало изумление и что-то еще, мне непонятное. Потом топоролицый, которого вошедший назвал лордом Блие, продолжил уже привычным равнодушным тоном: — У абитуриента нет Дара, но он скандалит, не хочет уходить.

— Странно... Я явственно почувствовал всплеск магической энергии. Ведь у вас самого нет силы? Вы же просто помогаете нам от лица мэрии? Кстати, лорд Блие, зачем вы зажгли свечи на стенах?

Происходило что-то, чего я не понимала. В воздухе повисло напряжение. Но момент обратить на себя внимание показался подходящим:

— Это я! Простите, лорд Йарби, — я поклонилась как могла вежливо.

— Вы, молодой человек? Вы зажгли свечи? Покажите еще раз — можете погасить и зажечь снова?

Это шанс.

Прикусила губу, сосредоточилась, воззвав к текущим вокруг серебристым потокам: «Шриатт дайри!»

Комната разом потемнела. Те, что горели на столе, я загасила тоже. В темноте раздался смешок. Чего это он?

Пока меня не выгнали, сосредоточилась опять, привычно пробормотав формулу и сотворив знак активации. Свечи вспыхнули, расплавившись разом наполовину. Ой! Испуганно посмотрела на лорда Йарби. Но тот глядел не на меня.

— Лорд Блие, мне неприятно это говорить, но сейчас вы покинете стены вверенного мне учебного заведения и не вернетесь. Я только что послал ментальное сообщение о произошедшем в школу в Синтане и дежурному Магического Совета. Очевидно, тот факт, что на обучение магически одаренных детей корона выделяет фиксированную сумму, не зависящую от числа учащихся, и то, что излишки оседают в мэрии, навело кого-то на неподобающие мысли. А я-то удивлялся, почему с тех пор, как мэрия навязала свою помощь на вступительных испытаниях, так сократилось количество достойных абитуриентов!

Я выпучила глаза. Вот это да! И спасибо тебе, Лариша! Получается, меня выгоняли не потому, что я неспособная, а потому, что не хотели принимать никого вовсе!

— Вы еще здесь, лорд Блие? Что ж, я дам вам провожатого, чтобы вы не заблудились.

Щелчок пальцев, и за спиной топороголового сгустился синий туман, сформировав зубастую пасть, подвешенную на длинном, спускающемся до пола, хвосте.

Через минуту мы остались в комнате вдвоем. Лорд Йарби присел на освободившийся стул, поднес руку к шару, хмыкнул:

— Это же надо, как просто — взять и подменить сферу! И куда я смотрел? Но давай займемся тобой, — строгие серые глаза посмотрели на меня. Лорд взял ручку и лист бумаги.

— Имя?

— Тим, Тимири тер Сани.

— Возраст?

— Будет тринадцать семнадцатого октября.

Мне почему-то нравилось число семнадцать, его я себе и выбрала.

— Давно чувствуешь Дар?

— Года полтора.

— Читать, писать умеешь?

— Да.

— Знание других языков?

Это он про викингский или эльфийский? А надо? Я помотала головой:

— Совсем не знаю.

— Ближайшие родственники?

— Старшая сестра, Тирнари тер Сани.

— Ладно. Хочешь жить в городе или в школе?

— Тут. То есть в школе, — поправила я.

Жить в городе казалось и страшным, и денег у меня таких не было — платить по серебряшке за каждую ночь.

— Пошли, отведу тебя на этаж, где живут мальчики, выберешь себе комнату.

— Мальчики? — мой голос взлетел фальцетом.

— А что? — изумился лорд. — Тебе что-то не нравится?

— Я — девочка...

— Девочка?! Ну и ну... Кто бы мог подумать!

Оказалось, что к основному учебному корпусу примыкали два трехэтажных флигеля — в одном находились физкультурный зал, лаборатории и библиотека, а в другом на нижнем этаже помещались столовая и прачечная, а выше жили учащиеся. Парни на втором этаже, а девушки на третьем. Классы были маленькими — в этом году пока поступило всего четырнадцать человек, а занятия начинались в следующий понедельник.

Обучение длилось четыре года. Считалось, что после этого у выпускника есть все шансы на поступление в магическую Академию. При школе жили пятеро преподавателей и несколько человек обслуживающего персонала — повар с поварихой, садовник, конюх и пара женщин, следивших за чистотой и стиравших белье. Апартаменты преподавательского состава располагались на верхнем этаже основного корпуса, поэтому шуметь там после занятий или устраивать дебоши категорически не рекомендовалось. Наконец, за парком стояла небольшая конюшня с двумя учебными лошадками и загоном для езды рядом, — в жизни мага бывает всякое, и умение не выпадать из седла считалось обязательной добродетелью волшебника на службе короны.

Все это лорд Йарби ровным голосом изложил мне, пока мы огибали по темной дорожке основной корпус и поднимались по каменной лестнице на третий этаж общежития.

— Так, и напоследок. Старосту этого этажа зовут леди Лайри тер Миат. Живет она в комнате 3-А5. Леди Миат все расскажет, слушай и делай, как она говорит. Утром в восемь во дворе построение с перекличкой. Не опаздывай.

Повернулся и ушел, оставив меня стоять посреди коридора.

Леди Миат — симпатичная спокойная русоволосая девушка с красивым лицом и строгим взглядом голубых глаз — откликнулась на мой робкий стук сразу же. Меня она оглядела чуть неодобрительно, но вслух ничего не сказала. Зато сообщила, что сейчас на этаже живут двадцать две ученицы, в основном по двое в комнатах. Несколько комнат

свободны до сих пор, и, если я хочу поселиться отдельно, могу какую-нибудь из них занять. Но гарантий, что ко мне со временем не поделят соседку, она не дает.

Белье можно взять в кладовке в конце этажа. Душ и туалет находятся там же. Бани рядом с прачечной работают вечером в среду и в субботу, тогда же можно стирать личные вещи. Для сушки есть специальное помещение или можно воспользоваться террасой на крыше. Но она этого не рекомендует — ветер все посрывает и унесет. Кормят в столовой три раза в день — завтрак с восьми до девяти утра, обед с двух до трех и ужин с семи до восьми вечера. Кстати, на ужин я еще не опоздала, так что могу сложить свои вещи и пойти со всеми — поесть.

Я благодарно кивнула.

Леди Миат перечислила номера свободных комнат и добавила, что если в выбранной мне не понравится, то потом я могу её поменять. Сама она считала, что из оставшихся 3-Б4 — самая удобная. Я кивнула снова. Миат достала из кармана связку ключей, протянула мне один:

— Не потеряй! И да, кстати, как тебя зовут?

— Тим. Тимири тер Сани.

— Ну, будем знакомы, Тимири тер Сани. Выходи сюда через двадцать минут, я отведу тебя в столовую.

Держа ключ в руке, подошла к двери с табличкой 3-Б4. Принцип нумерации я уже поняла: первая цифра — этаж. А или Б — правая и левая стороны соответственно. Последняя цифра — номер комнаты в ряду.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Первое четверостишие стихотворения — Урсула ле Гуин, второе — Юлия Киселева.

Лига — мера длины. Имперская лига равна примерно полутора километрам.

Ладонь — мера длины, примерно треть локтя, около 17-ти сантиметров.

Тайра — травяной настой на основе ягод шиповника и мяты в смеси с другими травами. Заваривают и пьют, как чай.